

Русский вор

Михаил Серегин

Бандитский спецназ

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Бандитский спецназ / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
— (Русский вор)

Николай Щукин, отмотав срок в местах не столь отдаленных, с криминалом завязывать не собирается. Это он так, для виду, отвергает предложение воров в законе «сотрудничать». Николаю не по пути с тупыми и жестокими мафиози. Поэтому, когда появляется возможность одурачить и кинуть на о-очень большие бабки самих крутых криминальных авторитетов, Николай затевает сложную и рискованную игру, ставка в которой – жизнь...

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
ГЛАВА ВТОРАЯ	17
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	25
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Михаил Серегин

Бандитский спецназ

ПРОЛОГ

Шикарный кабинет в ресторане «Сказка», что на углу Товарищеского переулка и Таганки, был так заполнен сигаретным дымом, что несчастные кондиционеры «Samsung» отказывались работать. Из всех сил пытались освежить атмосферу, они изредка натужно вздрагивали. А вместе с ними вздрагивал и полный мужчина лет пятидесяти на вид, оккупировавший место рядом с потоком прохладного воздуха.

На мужчине были бежевый пиджак, синяя рубашка с ядовито-зеленым галстуком и черные брюки в тонкую полоску, стянутые под животом тонким коричневым ремешком из крокодиловой кожи. Скажете, безвкусица?.. И будете правы. Но зато вся эта «безвкусица» стоила порядка трех тысяч баксов. Не считая ботинок!

Мужчина сильно потел. Но отнюдь не это заставило его придвинуть кресло поближе к кондиционерам. К своему поту он привык. Но вот чувствовать аромат дорогих сигарет и не курить самому он так и не научился.

– Артрит, аритмия, мышечная атрофия, угроза рака. Да чтоб вы сами сдохли, гады! – пробормотал мужчина себе под нос, имя в виду врачей, запретивших ему курить пару месяцев назад.

– Дыба, ты это о ком? – подозрительно покосился на мужчину широкоплечий, холеный, седовласый красавец чуть больше сорока лет от роду. – Что ты там себе под нос бормочешь?

– Да какая теперь разница! – махнул рукой Дыба, а по паспорту – Дыбин Александр Михайлович. – Дайте сигарету, что ли! А то тут с вами из воздуха никотина больше наглотаешься, чем через фильтр протянешь. К черту это сборище, эту «Сказку» и этого гребаного Лимона! Говорил тебе, Бык, в натуре, на пустыре нужно было базарить.

– Ага, – кивнул головой седовласый, ласково названный Быком, что, согласитесь, звучит все же лучше, чем Роговский Станислав Семенович. – А стол тебе там бомжи бы накрыли? Да ты, Саня, со своим пузом без хавчика и двух минут не протянешь. Станешь траву с лужайки обгрызать. Чисто как тот мужик в анекдоте!

Двое других мужчин, присутствующие в комнате, тихо прыснули в кулак, старательно пряча довольные физиономии от Роговского и Дыбина.

Собственно говоря, одного из них и мужчиной-то назвать можно было с натяжкой. Только если учитывать первичные половые признаки. Ему было лет двадцать. Голову украшала прическа «а-ля наждачная бумага», а ширококостное тело – спортивный костюм с такими широкими штанинами, что ему позавидовал бы и сам Маяковский. Звали этого милого паренька Лысый. А если нежно и ласково, то – Толян.

Второго индивидуума можно было отличить от Толяна только по трем признакам. Во-первых, он был старше лет на десять. Во-вторых, несмотря на абсолютную схожесть в прическе, именовали его не Лысым, а Купоном (ну еще Витьком иногда). Наконец, в-третьих, штаны у Купона были не только широкие, но еще и розовые. На целых двадцать баксов дороже!.. Лысый был бригадиром у Роговского, а Купон возглавлял братву у Дыбина. Вот такие дела.

Витек с Толяном еще раз переглянулись и с понимающим видом покачали головами. Впрочем, Дыбин не обращал на них внимания. Он несколько секунд рассматривал Роговского, пытаясь решить: обидеться или все-таки послушать анекдот. Наконец любопытство пересилило.

– Что за анекдот? Почему не знаю? – спросил Дыба у седовласого.

– Да так, типа, про нас с тобой, – ухмыльнулся Роговский. – Слушай!

Едет чисто «новый русский» на «Мерседесе». Смотрит, мужик – типа, бомж – траву с обочины обеими руками рвет и себе в пасть засовывает. Ну «новый русский» конкретно удивился, останавливает свою тачку и спрашивает: «Ты че, мужик, траву-то хаваешь?» А этот чувак ему отвечает: «Да вот, не ел уже три дня. С голоду помираю. Хоть чем-нибудь желудок набить!» Ну тут «новый русский» дверцу «мерса» открывает и говорит: «Садись, короче! Поедем ко мне!» Мужик от счастья обалдел. Прыгает в машину, пока братан не передумал, и начинает конкретно распинаться: «Вот, все говорят, что „новые русские“ – жмоты, копейки никому не дадут. А ты меня, грязного и оборванного, посадил, к себе везешь! Ты, наверное, меценат?» А братан на него посмотрел и отвечает: «Да не, мужик. У меня просто газонокосилка сломалась!»

После этих слов Лысый и Купон зашлись в таком диком хохоте, что на столе задребезжала посуда. Роговский самодовольно ухмылялся. Пухлые щеки Дыбы налились кровью и по цвету стали напоминать стоп-сигналы того самого «Мерседеса» из анекдота.

– Это ты меня, значит, с бомжом сравнил? – угрожающе зашипел он, а затем врезал кулаком по столу и заорал, обращаясь к обоим бригадирам: – Заткнитесь, уроды! Вы сюда ржать пришли или дела обсуждать?! Придурки тупорылые!..

Смех мгновенно оборвался, а веселые ухмылки с лиц парней сдуло словно ветром. Они мгновенно выпрямили спины. Лысый зачем-то начал поправлять салфетки в вазочке, а Купон принялся разливать по фужерам мартини. Лишь Роговский слегка поморщился и принялся барабанить пальцами по столу.

– Сколько этот мудака Лимон борзеть будет? – продолжал орать Дыбин. – Он уже, в натуре, все границы перешел. В открытую наезжать начал! Че делать с ним будем, я вас спрашиваю?! Роговский взял со стола бокал с мартини.

– Выпей давай, Михалыч! А потом все и обсудим...

Собственно говоря, обсудить двум крупным московским авторитетам предстояло только два вопроса: мочить Лимона сразу или все-таки попробовать еще раз с ним поговорить. Только на этот раз максимально жестко. С мордобоем и переломами костей. Так, чтобы раз и навсегда поставить зарвавшегося наглеца на место.

Дыбин предлагал замочить наглую «шестерку», решившую не только открыть пасть, но и начать конкретные наезды. Но Роговский был более осторожен.

Совсем недавно он получил информацию о том, что у Лимона завелись свои люди среди ментов. Да и вообще то, что недавняя мелкая сошка решила в открытую выступить против серьезных авторитетов, могло означать только одно – кто-то в милиции решил организовать крышу для Лимона.

Его следовало семь раз проверить, прежде чем готовить уютное местечко в тихом парке с березами и крестами. Начинать сейчас войну с ментами было бы непростительной ошибкой. Они при новом президенте стали набирать силу. И, вступив с ними в открытое столкновение, можно было потерять многое.

Об этом Роговский и говорил Дыбе, убеждая своего временного компаньона не спешить с резкими действиями. Но проучить Лимона стоило! Заодно бы выявились те силы, которые стоят за вчерашним лохом, а ныне мелким авторитетишкой, претендующим на часть их собственных территорий.

– Давай, Михалыч, просто забьем ему стрелку, но сами туда не поедem, – предложил Бык, закуривая сигарету и глядя, как Дыбин морщится от дыма, не решаясь сам закурить вторую. – Пошлем на стрелку наших бригадиров, а они поучат этого лоха уму-разуму. Чисто отобьют почки да погоняют по поляне его братву.

– Херня все это, – недовольно пробормотал Дыба, но сотовый из кармана все же достал. – Таких уродов, как Лимон, вразумлять бесполезно. Их мочить нужно! Чтобы другим неповадно было.

Пока Дыбин набирал номер Лимона и разговаривал с ним, все остальные, находившиеся в кабинете ресторана, молчали. Купон и Лысый напряженно всматривались в лицо Дыбы, а Роговский небрежно откинулся на спинку кресла. Он постукивал пальцами правой руки по столешнице, а в левой держал бокал с вином, рассматривая его на свет.

Разговаривал с Лимоном Дыбин недолго. Весь их диалог свелся к обмену несколькими довольно резкими фразами. Дыбин молча сложил сотовый, аккуратно убрал его во внутренний карман своего дорогого бежевого пиджака и обернулся к обоим бригадирам.

– Ну и чего вы сидите? – недовольно проворчал он. – Где и когда будет стрелка, слышали?.. Вот и валите отсюда! И чтобы все прошло чисто, без накладок.

Купон мгновенно вскочил с кресла, а Лысый на секунду задержался, бросив вопросительный взгляд на Роговского. Тот слегка поморщился, недовольный тем, что Дыбин отдает приказы его бригадиру, но возмущаться по этому поводу счел нецелесообразным. Он едва заметно кивнул головой, разрешая Лысому идти. А когда тот вышел из кабинета вслед за Купоном, повернулся к Дыбину:

– Ну что, Михалыч? Подождем?

* * *

Суворовский парк в Кунцево только в выходные бывает заполнен людьми. Вечером в понедельник там даже дворников почти невозможно увидеть. А в глубине парка, между Рублевским шоссе и Гребным каналом, можно найти и вовсе безлюдные места.

Именно там стояли два черных джипа «Чероки» с тонированными стеклами. В каждом из них сидели пять вооруженных амбалов и, напряженно поглядывая на часы, ждали гостей.

– Ну и куда этот гребаный Лимон провалился? – пробормотал Лысый, нервно постучав пальцами по циферблату часов, вмонтированных в переднюю панель джипа. – Твою мать! Уже на пять минут опаздывает.

– Очканул, наверное, – пожал плечами Купон. – Сейчас, конкретно, с унитазом братается. Расстаться не может.

В ответ на его плосковатую шутку остальные братки дружно загоготали, представив, как Лимон, не успев надеть штаны, вновь вспоминает о стрелке и снова мчит на унитаз. Лысый, напряженно к чему-то прислушавшись, цыкнул на них. Парни замолчали. Послышался шум приближающихся машин.

– Две, – констатировал один из них.

– Гонишь! – фыркнул второй. – Бля буду, три.

– Нет, эти мимо, – разочарованно вздохнул Лысый и вновь расслабился. – Короче, Витек. Ждем еще пять минут, потом звони на мобилу своему боссу. Пусть сам решает, что делать. Это он же, в натуре, стрелку забивал!

– Не учи отца, – недовольно буркнул в ответ Купон, но на часы все-таки посмотрел. И в этот момент послышался мягкий шум еще одного мотора.

Это была «трехсотая» «БМВ». Причем одна – никаких машин сопровождения, никакого эскорта. У всех пятерых братков в «Чероки» от удивления отвисли челюсти.

– Ни хрена себе! – присвистнул Лысый, глядя на одинокую «БМВ», выезжающую на поляну. – Совсем Лимон рехнулся. На стрелку в одну харю приперся!

– Нам же проще, – усмехнулся в ответ Купон и подтолкнул Толяна в плечо. – Хватит трындеть. Вываливайся из тачки. Пошли с этим орлом побазарим. – И скомандовал своим браткам: – Все делаем, как договаривались!

Те кивнули головами, глядя на остановившуюся иномарку. Выдернутые из заплочных кобур пистолеты вновь вернулись на свои места. А бритоголовые крепкие ребята в расслабленных позах развалились в салоне джипа. Сегодня явно работать не придется. Бригады все разрулят сами.

Лысый и Купон тем временем выбрались из машины и остановились у открытых дверей, ожидая появления пассажиров «БМВ». Те не заставили себя долго ждать и вышли из машины почти одновременно.

Бригады переглянулись между собой и вразвалочку пошли в сторону «БМВ». Оба приехавших гоблина напряглись в ожидании, но с места не сдвинулись. Это не входило в ритуал стрелок. Лысый удивленно хмыкнул, снова посмотрев на Купона.

– Где Лимон? – задал вопрос Витек, обращаясь к пассажирам «БМВ».

Бойцы Лимона переглянулись. А затем один из них нагло посмотрел на Купона.

– Иди сюда, увидишь, – осклабилась он.

– Да я-то, в натуре, подойду, – покачал головой Купон, не замедляя шага. – Вот только потом, урод, как бы тебе жалеть не пришлось!

– Базары фильтруй! – только и успел сказать в ответ наглый гоблин.

Купон преодолел последние несколько метров, отделявших его от самоуверенного нахала. Он пнул ногой по дверке «БМВ», а затем резко рванул дверцу машины на себя левой рукой, правой хватая противника за волосы. Тот попытался достать оружие, но не успел. Купон дернул его на себя и припечатал нос гоблина к своей коленке. Тот свалился на траву, потеряв сознание.

Лысый тоже не отстал от напарника. Пока пассажир «БМВ» с открытым ртом пялился на происходящее, он выхватил из кармана пистолет. Пассажир успел заметить резкое движение, но на то, чтобы увернуться от удара рукояткой по затылку, времени у него не хватило. И секундой позже он также растянулся на траве.

Купон и Лысый заглянули в салон «БМВ» почти одновременно. Прямо в лица обоим смотрели три автомата Калашникова. Но это еще цветочки! А ягодками было то, что держали в руках оружие менты в бронежилетах и касках.

– Конечная остановка, ребята. Приехали! – проговорил один из ментов, ухмыльнувшись. А затем коротко скомандовал в микрофон, прикрепленный около рта:

– Пошли!

Лысый и Купон не видели этого. Они, не отрываясь, смотрели в холодные зрачки автоматных стволов, боясь пошевелиться. А на поляну высыпали менты, охватывая джипы в полукруг.

Оторопевшие братки из бригад Купона и Лысого даже не сопротивлялись. Держа машины под прицелом, их, словно щенков, вытаскивали из джипов. Затем обыскивали несколькими ловкими движениями и, изъяв оружие, ударами прикладов роняли на землю.

Когда с ними было покончено, настала очередь пройти ту же самую процедуру и обоим бригадирам. Но, к удивлению Купона, на него не надели наручники. Тот самый мент, что дал сигнал к захвату, приказал Витьку перевернуться с живота на спину. Несколько секунд Купон видел над собой лишь синее небо и борт проклятой «БМВ», а затем в поле его зрения появилась перекошенная физиономия Лимона.

– Ну что, чмошник, веселая получилась стрелка? – поинтересовался Лимон и противно захихикал.

– Да пошел ты, мудака, ментам яйца вылизывать! – прорычал в ответ Витек и тут же получил удар носком ботинка по ребрам. Затем второй, третий...

Удары сыпались на Купона градом. Он крутился по земле, пытаясь хоть как-то защититься, но все было тщетно. Через пару минут он потерял сознание, провалившись в спасительную бездну небытия. А в себя его привел поток холодной воды. Чьи-то руки резко дернули

его вверх, ставя в вертикальное положение, и Витек вновь увидел прямо перед собой противную морду Лимона.

– В общем так, чмо, – усмехаясь проговорил бандит. – Скажешь своему дерьмовому шефу, что мое требование остается в силе. Он оставит в покое те пять фирм, о которых мы с ним говорили, а затем получит назад своих дешевых ублюдков. Оружие, правда, мы возьмем себе в качестве трофея.

Затем те, кто держал Витька, отпустили его, и Лимон одним ударом вновь опрокинул бригадира Дыбина на землю. Купон попытался подняться. Но все, на что его хватило, – это опереться на локоть и перевалиться на бок. Прямо перед собой Витек увидел удалявшегося к «БМВ» Лимона в сопровождении двух ментов, а чуть поодаль – изуродованные джипы.

– Ну ладно, сука, мы еще поквитаемся! – прохрипел Купон и вновь отключился...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пассажирский поезд Саратов – Москва несколько раз вздрогнул, дернулся вперед и окончательно успокоился около одного из перронов Павелецкого вокзала. Проводники, дождавшись полной остановки состава, чинно выбрались на перрон, освобождая пассажирам дорогу.

Большинство приезжих уже бывали в столице наездами. В основном в дефицитно-горбачевские и дешево-брежневские времена. Москву они худо-бедно знали, поэтому не глазели по сторонам, пытаясь понять, куда теперь идти и что делать в столице.

Но были в поезде и пассажиры иного рода. Растеряннo-испуганные, восторженно-оторопевшие, архаично одетые люди – **ПРОВИНЦИАЛЫ!** Они тащили огромные баулы деревенских гостинцев своим московским родственникам. И, выйдя из поезда самыми первыми, тут же застыли на перроне, растеряннo оглядываясь.

Именно к одной такой группе окающе-горланящих на весь вокзал теток и направился высокий голубоглазый блондин, лет тридцати пяти на вид. На нем был строгий двубортный костюм, явно шитый на заказ. Безукоризненно белую рубашку стягивал на шее черно-серебристый галстук, заколотый дорогой булавкой. Мужчина не обременял себя багажом. Он держал лишь черный кейс, да небольшая кожаная сумка болталась через плечо.

Почти сразу внимание мужчины привлекли три оживленно спорящих женщины.

Хотя, если говорить точнее, заинтересовали нашего героя не они, а парнишка с пачкой газет, крутившийся возле провинциалок. Мужчина несколько секунд наблюдал за пацаном, а затем твердым шагом направился к провинциалкам.

Он шел по перрону, насвистывая себе под нос мотивчик какой-то популярной песни. Весь его вид выражал беззаботность. Блондин даже ни разу не посмотрел на трех галдящих женщин. Но перед тем как пройти мимо них, он вдруг резко изменил направление и столкнулся с мальчишкой-газетчиком. Тот от столкновения потерял равновесие и выпустил из рук пачку газет. А вместе с ней на платформу перрона выпал потертый кошелек из кожаного футляра.

– Смотри, разява, куда прешь! – завопил мальчишка и быстро нагнулся, торопясь собрать газеты. Голубоглазый опустился рядом с ним на корточки.

– Слушай внимательно, сопля зеленая, – прошипел он, глядя прямо в лицо пацану. – Сейчас ты этот лопатник вернешь его хозяйке. Причем сделаешь это так же ловко, как и украл. Затем быстро сматываешься отсюда. И если я тебя еще хоть раз в жизни увижу на Павелецком, то отправлю в ментовку.

– Что это такое вы говорите, – оторопело проговорил мальчишка, нервно высматривая пути к отступлению.

Бесполезно! Голубоглазый мужчина одним молниеносным движением поймал его за запястье левой руки.

– Если ты тормоз и хреново понимаешь, о чем тебе говорят старшие, то я сейчас все объясню по-другому, – криво усмехнулся блондин. – Ты сейчас же вернешь кошелек, или я попрошу его хозяйку подойти сюда к нам. Считаю до трех. Раз...

Мальчишка ракетой взметнулся с перрона. В одно мгновение он оказался рядом с провинциалкой и ловким движением отправил кошелек внутрь порезанного полиэтиленового пакета. А затем, не останавливаясь, помчался дальше по платформе, спеша затеряться в толпе. И все же паренек остановился, когда почувствовал себя в относительной безопасности.

– Ко-озел! Мент поганый, – завопил он на весь перрон. – Встретимся мы еще с тобой на узенькой дорожке!

Голубоглазый громко расхохотался, обратив этим на себя внимание целой толпы народа. Впрочем, многие тут же, увидев его холодный взгляд, отворачивались и спешили отойти

подальше от этого странного человека. Многие! Но не та провинциалка, у которой минутой раньше «газетчик» пытался украсть кошелек.

– Ой, а чегой-то он газеты-то побросал? – Женщина удивленно посмотрела на голубоглазого. – Так это никак вы его обидели?!

– А вот это вас, дамочка, не касается, – с добродушной улыбкой, но абсолютно ледяным тоном проговорил мужчина. – Вы бы лучше за своими вещами следили, чем по сторонам пялиться.

Еще где-то в районе Ртищева он пообещал сам себе, что если поезд не опоздает в Москву больше чем на полчаса, то поможет первому же встречному, нуждающемуся в его вмешательстве.

Голубоглазый, конечно, сомневался, что в кошельке у провинциалки были все ее сбережения. Обычно такие тетки пришивают кармашки к трусам! Но это никакого значения не имело. Парень свое обещание сдержал и помог той, кого пытались ограбить.

Дальше по перрону голубоглазый шел, почти не глядя по сторонам. Толпы суетящихся людей, прибывающих в Москву и отъезжающих во все концы страны, редкие попрошайки, которых в последние годы стало намного меньше в столице, не могли привлечь его внимания. Именно поэтому он и не обратил внимания на лысоватого невысокого мужчину, напряженно рассматривающего его.

– Колька? Шукин? – наконец воскликнул мужчина и бросился к голубоглазому. Тот удивленно посмотрел на подходившего к нему человека. – Ты что, не узнаешь меня? Это же я, Витька Мелешко!..

Голубоглазый, будто что-то вспоминая, мгновение смотрел на подошедшего, а затем широко улыбнулся и, пожав протянутую руку, полуобнял его. Оба засмеялись.

– Вот так встреча! – продолжал улыбаться лысоватый. – По этому поводу не грех и выпить. Ты какими судьбами в Москве?

– Сам-то ты что в столице делаешь? – не ответил на вопрос Шукин. – Багажа нет. Получается, живешь здесь?

– Конечно. – Мелешко пожал плечами. – Я после юридического здесь и остался. Сейчас следователем в прокуратуре Юго-Восточного округа работаю, а живу недалеко отсюда, на Бахрушина. Вот с электрички домой возвращался, а тут смотрю, вроде ты идешь. Сначала подумал, что обознался, а потом думаю, нет! Второго такого просто быть не может. Ты ведь совсем после школы не изменился. Возмужал только.

– А тебя годы не украсили, – рассмеялся Шукин. – Хотя, если на голове волос добавить, почти как новенький будешь. Ну рассказывай, как жизнь в столице?

– Да какая тут жизнь? – хмыкнул Виктор. – Цены кусаются, а зарплату в кармане не найдешь...

– Ой, только не заливай, – замахал руками голубоглазый. – Знаем мы, убогие провинциалы, как москвичи с жиру бесятся.

– Ну это смотря кто, – пожал плечами Мелешко. – Нам, нищим следователям, с жиру беситься не приходится. Тем более когда рядом жена и двое детей. Ладно, пошли ко мне. Выпьем по сто граммов, закусим, вспомним молодость.

Шукин озабоченно посмотрел на часы. До шести вечера ему нужно было сделать одно дело, но, если Виктор действительно живет недалеко, времени вполне хватало и на то, чтобы поговорить со старым другом.

– Ты куда-то торопишься? – разочарованно поинтересовался Виктор, поймав взгляд Шукина.

– Да, но пока время терпит, – рассмеялся Николай. – И уж для тебя я минутку всегда выкрою. Так что води, Иван Сусанин!

Мелешко сделал широкий жест рукой, приглашая старого друга к выходу с Павелецкого вокзала. Щукин кивнул головой и, продолжая улыбаться, пошел в указанном направлении, рассеянно слушая болтовню Виктора.

Когда-то они вместе учились в школе. В одном классе. И даже довольно долго сидели за одной партой. Были практически неразлучны. И, поскольку Николай был выше всех в классе, а Виктор едва доставал ему до плеча, какой-то остряк окрестил эту парочку Тарапунькой и Штепселем.

Вспомнив об этом, Щукин усмехнулся. Сейчас-то уже никто не помнит таких персонажей советской эстрады. Но тогда, лет двадцать пять назад, подобные клички одновременно и льстили, и казались ужасно обидными. Обоим не раз из-за этих прозвищ приходилось драться.

После окончания школы Мелешко отправился в Москву и с первого раза поступил в юридический институт. А вот у Щукина судьба сложилась не так гладко.

К окончанию десятого класса Николай даже не решил, куда он хочет поступать и кем вообще желает быть в этой жизни. Мать хотела видеть его экономистом, а отец настаивал на юридическом образовании. В итоге Щукин разругался с родителями и назло им попытался поступить в политех. Но из этой попытки ничего не вышло. Не испытывавший к выбранной профессии никакого интереса, Николай небрежно подготовился и провалил экзамены.

А затем была служба в армии. Поначалу Щукин с Мелешко, конечно, изредка переписывались, но затем связь друг с другом потерялась на многие годы.

Щукин изредка бросал незаметные взгляды на часы. Нет, времени у него положительно не оставалось на то, чтобы идти куда-то в гости. И, выйдя из здания вокзала, Щукин остановился.

За время его отсутствия Москва ничуть не изменилась. Те же суетящиеся толпы людей, те же потоки машин. Даже экскурсионные автобусы по-прежнему стояли у вокзала.

Виктор Мелешко, увлеченный своим собственным рассказом, не заметил, что его приятель остановился. Он прошел несколько метров, продолжая говорить, и, лишь задав вопрос и не получив на него ответа, обернулся в поисках собеседника. Удивленно хмыкнув, Мелешко вернулся назад.

– Ты чего тут застрял? – удивленно поинтересовался он.

Щукин извиняюще улыбнулся:

– Витек, не получится у меня пойти к тебе в гости. Времени для этого маловато. Поэтому выдвигаю встречное предложение. Давай-ка прогуляемся до ближайшего кафе. Выпьем по соточке, перекусим, вспомним молодость. А потом ты оставишь мне телефон, и я, как только освобожусь, сразу тебе позвоню. Идет?

Мелешко помрачнел. Тяжело вздохнув, он посмотрел по сторонам, а затем пожал плечами и посмотрел другу в глаза.

– А вот с этим, Коля, боюсь, ничего не выйдет, – виновато проговорил он. – Я сейчас не при деньгах...

– Забудь! – рассмеялся Щукин. – Тоже мне – нашел проблему. Сейчас я угощаю на правах нежданного гостя. А уж потом ты мне ответишь любезностью в ранге хозяина. Поэтому перестань строить из себя девочку. Кстати, помнится мне, тут на Дубининской неплохое кафе «Варяг» было.

– Эк хватанул, – хмыкнул следователь. – Сейчас это не кафе, а ресторан. И цены там такие, что моей месячной зарплаты на один обед едва хватит.

– А кто говорит о твоей месячной зарплате, – усмехнулся Николай. – Угощать-то я буду! Пошли скорей, а то у меня желудок уже сводит. – Щукин двинулся по направлению к подземному переходу, но Виктор поймал его за рукав.

– У тебя что, брат из Америки приехал? – удивленно поинтересовался он. – На хрена тебе деньги на ветер выкидывать? Вон, на углу, пельменная недорогая есть. Пошли там посидим.

– Есть пельмени из кошатины? Нет, тут я пас, – рассмеялся Николай. – Лучше дороже, но качественнее. И перестань ты думать о деньгах. Я ведь как-никак бизнесмен теперь. Дельце небольшое на родине открыл. Пошли в «Варяг»!

Мелешко удивленно хмыкнул и поспешил за другом. Он засыпал Николая вопросами по поводу того, каким бизнесом он сейчас занимается. Щукин не уклонялся от ответов, но и ничего конкретного не сказал. Объяснил, что и посреднические услуги оказывает, и приторговывает помаленьку, и деловыми бумагами иногда занимается.

– В общем, ерунда все это, Витек, – отмахнулся рукой Щукин. – Суета сует. Но на жизнь хватает. Не миллионер, конечно, но жаловаться грех.

– А сюда по делам, значит, приехал? – спросил Мелешко.

– Именно, – хмыкнул Николай. – Но не будем о грустном. О своих делах я сегодня еще наговориться успею. Давай-ка лучше о себе рассказывай...

Еще со школы Щукин помнил, что Виктор всегда был очень словоохотливым человеком. И еще до того, как они переступили порог ресторана «Варяг», Щукин знал о Мелешко практически все.

Как рассказывал Виктор, работа следователя в Москве оказалась не столь перспективной, как он предполагал. В столице, как и всюду, нужны были тягловые лошади, способные везти на себе весь воз работы, а фавориты забегов по коврам приемных и асы коридорных интриг налегке шли к финишу.

Мелешко, долго не получавший повышения по службе, сетовал на то, что его попросту оттесняют в сторону, не давая возможности для нормального карьерного роста.

«А это потому, что ты, Витя, неудачник!» – брезгливо подумал Щукин, выслушав рассказ школьного приятеля. Вслух этого он, естественно, не сказал. Напротив, Щукин сочувственно цокал языком и вместе с Мелешко вздыхал над превратностями судьбы.

Несмотря на довольно ранний час, в «Варяге» кутила большая группа коротко стриженных парней. То ли бывших эков, то ли омовцев в гражданке. Их вызывающе развязное поведение окончательно портило и без того неприглядную обстановку ресторана. Метрдотель их не урезонивал. Он лишь стоял в стороне и испуганно прислушивался к разговору. Да и официантки, как заметил Щукин, не особо рвались обслуживать столик бритоголовых.

Виктор тоже постарался не обращать внимания на выходки подвыпивших парней. Зайдя в ресторан, он недовольно поморщился, бросив взгляд в сторону разгулявшейся компании, но ничего не сказал. Щукин прочитал у школьного приятеля на лице страстное желание уйти куда-нибудь в другое место, но Мелешко не решился выказать свою трусость.

Собственно говоря, Щукин не осуждал Виктора за это незначительное проявление малодушия. Он и сам не собирался связываться с подвыпившей компанией. И ему было наплевать на то, что официантки шарахались прочь, когда то один, то другой добрый молодец пытался ущипнуть их пониже талии.

Но так продолжалось недолго. Подвыпившие парни вовсю гоготали над каким-то плоским анекдотом, когда официантка вынесла с кухни заказанное Щукиным второе. На свою беду, она прошла слишком близко от бритоголовых, и один из парней поднялся ей навстречу. Критически осмотрев содержимое тарелок, он усмехнулся во весь золотозубый рот.

– Хрен с ним, сойдет. Давай сюда, а то у нас закуска кончилась, – развязно проговорил он и протянул к подносу руки.

– Это не ваш заказ, мальчики, – как можно дружелюбнее проговорила официантка и попыталась увернуться от расставленных рук.

– А мне по хрену. Поняла, овца! – Бритоголовый с силой вырвал поднос из рук оторопевшей девушки. – Если я говорю «давай сюда», ты оставляешь тарелки и сматываешься на всех порах. Ясно тебе, сучка?

У девушки из глаз брызнули слезы. Закрывшись рукой, она резко развернулась и побежала на кухню, едва сдерживая рыдания. Щукин тяжело вздохнул и поднялся из-за стола.

– Ты что, дурак, что ли? – зашипел на него Мелешко и попытался поймать за штанину. – Хрен с ним, с бифштексом. Сиди спокойно, сейчас нам еще принесут.

– Я и не сомневаюсь, – пожал плечами Николай. – Да не в бифштексе дело. Просто эти уроды уже меня достали. – И, обернувшись к бритоголовым, сказал: – Ребята, вам же говорили, что это не ваш заказ. У вас со слухом туго?

– Че-е? – Здоровяк, отобравший поднос у официантки, лениво обернулся. – Утухни, козел. Или тебя сейчас отсюда вперед ногами вынесут.

– Ребята, только не здесь! – завопил метрдотель, и Щукин удивился, узнав, какой пронзительный у него голос.

Николай одним молниеносным броском оказался рядом со столиком хулиганов. Нахмивший ему и официантке здоровяк начал подниматься со своего места, но Щукин левой рукой откинул стул в сторону и, сделав подсечку, свободной ладонью направил лицо хама прямо в тарелку с бифштексом, который он только что нагло отобрал. Парень хрюкнул, погружаясь мордой в гарнир, а затем свалился на пол, сдернув скатерть со стола.

Раздался звон битой посуды, и четверо спутников здоровяка вскочили со своих мест. Парни были крепкие и натасканные в уличных драках. Вот только здраво мыслить они не научились.

Тот, что был справа от Щукина, пинком отшвырнул свой стул и тараном бросился на противника, намереваясь ударом плеча повалить его на пол. Но Николай легко ушел в сторону, как пикадор от быка, и озверевший бритоголовый пролетел мимо него, врезавшись в соседний столик.

Краем глаза Щукин заметил, что бармен за стойкой крутит телефонный диск, вызывая милицию. Но времени на то, чтобы разобраться и с этой проблемой, у Николая не было. Один из бритоголовых попытался нанести ему боковой удар в голову. Щукин нырком уклонился от удара и, поймав руку противника, так резко дернул ее вниз, что он упал на свой столик, ломая у него ножки.

Оставались еще двое. Оба, ничего не видя от ярости, кинулись на Щукина с двух сторон. Удары посыпались на Николая градом.

Первые мгновения Мелешко смотрел на происходящее, разинув рот. Он не хотел связываться с бандитами, не хотел драки, не желал вернуться домой с разбитым носом и слушать стенания жены по поводу его бестолковости и никчемности. Но бросить друга в беде он тоже не мог.

Несколько секунд Мелешко боролся сам с собой. Но когда один громила поднялся с пола и бросился на Щукина сзади со стулом в руке, Виктор не выдержал. Схватив со стола недопитую бутылку «Смирновки», он кинулся бритоголовому наперерез.

И все-таки Мелешко не успел. Бутылка в его руке с глухим звоном раскололась о череп громилы чуть позже, чем тот нанес свой удар. Но Щукин ждал именно этого. Резко присев, он позволил стулу пролететь над собой и врезаться в бандита, стоявшего справа от него. Нападавший на мгновение замер, пораженный происходящим, но этого мгновения вполне хватило Николаю. Не поднимаясь во весь рост, он резко ударил парня в промежность, надолго лишив его плотских удовольствий. Бандит взвыл и свалился на пол.

– Все, валим отсюда! – рявкнул Щукин и бросился к выходу, схватив Виктора за рукав. – Сейчас менты подъедут.

– Ну и что? – Мелешко попытался упереться. – Я сам мент. Сейчас все уладим.

– Нет у меня сейчас времени протоколы подписывать, – Николай дернул приятеля сильнее и легко вытащил его на улицу мимо испуганно отступившего к стене метрдотеля. – Встреча у меня назначена, на которую опаздывать нельзя!

Виктор грязно выругался и позволил другу увести себя из ресторана и скрыться в ближайшем проходном дворе.

– Тормози. Дай отдышаться, – с тяжелым вздохом остановил его Виктор. – Я тебе не мальчик, чтобы так по улицам носиться.

– Да, обрюзг ты на кабинетной работе, – усмехнулся Щукин. – И все же ты молодец. Неплохо к черепу этого урода бутылкой приложился. Спасибо. Хотя и не стоило тебе лезть. Могли оба по башке получить.

– Об этом я тебе и говорил, когда пытался за столом удержать, – буркнул Виктор и удивленно посмотрел на друга, будто видел его в первый раз. – Ты где так драться научился? Прямо Стивен Сигал русского разлива.

– А, ерунда. Было время учиться, учился. Хотя, видимо, недостаточно хорошо, – Николай потер ушибленную челюсть. – Зацепил, гад, все-таки!

– Ничего. Шрамы и синяки украшают мужчину, – фыркнул Мелешко и горестно вздохнул. – Ну вот, остались без обеда. А ведь могли бы сразу ко мне пойти.

– В следующий раз так и сделаем, – кивнул головой Щукин. – А сейчас, Витек, давай свой телефон, а я поехал. У меня времени совсем не осталось!

Записав номер телефона Мелешко, Николай простился с ним и, подойдя к краю тротуара, принялся ловить такси. Остановив машину, он назвал водителю адрес и, еще раз махнув Мелешко, откинулся на спинку сиденья.

Щукин торопился на встречу с женщиной, Ларисой Шевцовой, рядовым бухгалтером одной из московских фирм. Для осуществления его планов в столице Лариса была просто жизненно необходима. Вот только Николай опасался, что разговор с ней будет нелегким.

Когда-то Лариса была его любовницей. В один из своих приездов в Москву Николай познакомился с ней на вечеринке, куда попал совершенно случайно. Девушка была одна и откровенно скучала, поэтому легко согласилась на предложение красивого и галантного голубоглазого кавалера удрать с опостылевшей вечеринки и посетить какой-нибудь ночной клуб.

И в тот вечер, и почти две недели после этого они неплохо провели время. Щукин умел ухаживать за девушками, и к моменту их расставания Лариса влюбилась в Николая без памяти. Лариса восторгалась Щукиным и каждый раз вздрагивала при мысли о том, что это долгожданное счастье может так же внезапно оборваться, как и началось.

Щукин не мог остаться в Москве. Его ждали дела, а взять с собой Ларису он не мог. И не из-за того, что не любил ее. Напротив, из всех женщин, с которыми сводила Николая судьба, Шевцова вызывала в его сердце больше чувств, чем остальные, вместе взятые. И все же Щукину не нужна была спутница. Поэтому он уехал, соврав девушке, что отправляется в геологическую экспедицию. Уехал и пропал на полгода. До тех пор, пока дела вновь не привели его в Москву.

Но теперь Щукин вынужден был быть особенно аккуратным. Ему требовалось безопасное место, где можно разместиться, никому не мозоля глаза. Квартира Шевцовой как раз отвечала всем нужным требованиям. Но Николай не знал, по-прежнему ли Лариса живет одна или за полгода уже отчаялась ждать от любимого хотя бы весточку и забыла о его существовании!

Лариса заканчивала работать в шесть часов. Щукин решил приехать пораньше и за пятнадцать минут до нужного времени занял место за столиком в летнем кафе напротив входа в здание, где работала Шевцова. Николай заказал пирожное и кофе и стал ждать. Минуты летели одна за другой. Из офиса фирмы стали вереницей выходить сотрудники, но Шевцовой среди них не было. Пятнадцать минут седьмого Николай вздохнул и, решив, что Лариса вполне могла за эти полгода сменить место работы, поднялся из-за стола. Но именно в этот момент он увидел ее.

Лариса вышла из офиса и спокойным, неторопливым шагом направилась в ту сторону, где стоял Николай. Шукин, хмыкнув, несколько секунд стоял неподвижно, наблюдая за легкой походкой девушки.

– Лариса, – с трепетом и робкой надеждой в голосе позвал он. – Лисенок!

Шевцова вздрогнула. На мгновение она застыла, глядя на Николая широко раскрытыми и удивленными глазами. А Шукин ждал. Стоял, пригнув голову и глядя на девушку виноватыми глазами. Прохожие с ворчанием обходили их, застывших посреди тротуара, но ни Шукин, ни Шевцова, казалось, не замечали никого. Наконец затянувшаяся пауза была прервана.

– Ах ты, гад проклятый, – выдохнула Лариса и, зарывав, бросилась в объятия Николая. – Я ведь все глаза просмотрела, пока тебя ждала. Почтовый ящик проверять каждые пять минут бегала, а ты, сволочь бесстыжая, даже телеграммы прислать не мог!

– Лисенок, я все объясню, – виноватым тоном попытался оправдаться Шукин, но девушка перебила его.

– Объяснишь, конечно. А я, дура, возьму и поверю, – всхлипывая, сказала она и резко сменила тон. – Хватит торчать на одном месте. Уже пол-Москвы собралось на меня, идиотку, смотреть. Веди меня куда-нибудь, где можно спокойно посидеть.

– Слушаюсь, мэм! – обрадованно воскликнул Николай и, отпустив девушку, бросился к обочине дороги. – Такси! Эй, такси...

Вечер они провели прекрасно. Шукин отвез Ларису в шикарный ресторан. Там он дал девушке возможность привести себя в порядок, а затем заказал роскошный ужин.

Лариса удивлялась его расточительности, но Шукин заверил ее, что получил хорошее вознаграждение после тяжелой экспедиции в устье Подкаменной Тунгуски. Он врал ей с три короба, придумывая несуществующие подробности страшных испытаний, якобы выпавших на его долю. И девушка слушала, как и прежде, заглядывая Шукину в рот.

После ресторана поехали к Ларисе домой. На прямой вопрос, заданный дрожащим голосом, был ли кто у нее за время их разлуки, Шевцова несколько секунд не решалась ответить. Врать Николаю она не могла, а говорить правду не хотела. Наконец девушка грустно улыбнулась.

– Ничего серьезного, милый, – робко улыбнулась она. – Я ведь думала, что ты меня бросил.

– Что ж, все верно, – помрачнев, кивнул головой Николай. – Ты имела на это право...

– Прекрати, дурачок! Для меня на этом свете всегда был только ты! – Лариса прижалась к нему.

А затем были жаркие объятия, страстные поцелуи и горячая от пламени любви постель. Лариса никак не могла насладиться близостью с любимым человеком. Когда наконец девушка уснула у него на плече, Николай осторожно освободился от ее объятий и вышел в гостиную, к телефону. Быстро набрав номер, он приготовился к разговору.

Трубку долго не брали.

– Слушаю вас, – раздался наконец в трубке приятный, бархатистый женский голос.

– А я бы хотел услышать Александра Михайловича, – чуть иронично сказал Николай.

– Кто его спрашивает?

– Передайте ему, что звонит Шукин, – представился Николай. – Можно просто Молот.

– Минуту, – ответила женщина.

В трубке наступила тишина, затем что-то щелкнуло, и зазвучала идиотская музыка селекторных телефонов. Шукин посмотрел на часы и, коротко присвистнув, тихо рассмеялся. Такого сервиса в двенадцать ночи он никак не ожидал. Видимо, не ожидал его звонка и Александр Михайлович – музыка в телефоне звучала минуты три, прежде чем он взял трубку. Когда же Шукин услышал знакомый голос, то язвительно спросил:

– Ты секретарш уже и дома у себя держишь? А ты не зажрался, Дыба?..

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дмитрий Аксененко тратил немало денег на осведомителей. Он расплачивался с ними щедро, почти не торгуясь. Иногда давал даже больше, чем на самом деле стоили их сведения. Все столичные стукачи прекрасно знали о его щедрости и при первой же возможности спешили поделиться новостями. И часто приносили такое, что в один миг окупало все его предыдущие затраты.

Аксененко раньше был профессиональным фотографом. Успел поработать и в фотомастерских, и корреспондентом в газетах. Снимал на пленку девиц легкого поведения и свадьбы отпрысков сильных мира сего. И однажды фотограф оказался случайно в нужное время в нужном месте. А поскольку с фотоаппаратом Аксененко никогда не расставался, то получил в свои руки прекрасные фотографии сына одного видного политика, жестоко избивавшего какую-то девушку.

Аксененко колебался недолго. Собственно говоря, выбор у него был невелик – либо отдать фотографии в руки правосудия, либо предложить папочке этого щенка выкупить негативы. На свою беду, именно в тот момент Аксененко страстно увлекся одной известной фотомodelью, а она оказалась девушкой с очень большими запросами.

Нежных чувств к фотографу девушка не питала и была ласковой, нежной и покорной только тогда, когда что-то получала взамен. Стоило бы ему только заикнуться об отсутствии средств, как его башмаки вылетели бы за дверь.

И тогда Аксененко решился. Он позвонил тому самому политику, чьего сына ему удалось сфотографировать на месте преступления, и предложил выкупить компромат на собственное чадо. Политик был в шоке, но спорить не стал и, не торгуясь, выплатил требуемую сумму. Так Аксененко стал шантажистом.

Однако стиль его работы никак не укладывался в образ киношного или книжного шантажиста. Во-первых, этот папарацци никогда не пытался использовать дважды одни и те же материалы. Аксененко понимал, что даже загнанная в угол крыса кидается на своего мучителя, а человек – куда более опасное животное. Именно поэтому Аксененко никогда не зарывался. Он просил именно ту сумму, какую человек мог заплатить, честно отдавал негативы и навсегда исчезал из поля зрения жертвы.

Во-вторых, он никогда не надеялся на волю случая. Аксененко поставил это дело на профессиональные рельсы, обзаведясь целой сворой осведомителей во всех слоях общества, начиная от обычных обывателей и кончая заместителями министров.

В-третьих, Аксененко никогда ни от кого не скрывался. Вся преступная Москва знала его как профессионального шантажиста и старалась не пускать к своему порогу ближе чем на три километра. Что почти никогда не удавалось. И уж если кому-то позвонил Аксененко с предложением купить компромат, никто не сопротивлялся.

Нет, конечно, эксцессы случались. Изредка находился какой-нибудь идиот, абсолютно не понимавший, с кем имеет дело. Но знакомые подробно объясняли новой жертве, с кем она имеет дело, и пойманный с поличным тут же платил.

Ну а для тех, кого убедить не удалось, у Аксененко была своеобразная страховка. До момента завершения сделки Дмитрий держал все материалы в запечатанном конверте у адвоката, который должен был просмотреть его содержимое в случае смерти Аксененко. Об этом он честно предупреждал свою жертву.

Шантажист придумал гениальный ход. Он вынуждал свою жертву обменивать компромат на наличные в присутствии ничего не подозревающего нотариуса!

Сегодня Аксененко начинал, может быть, самую большую охоту в своей жизни. К нему уже довольно давно начали поступать сведения о серьезных проблемах, возникших между

тремя крупнейшими в столице преступными группировками. Бык, Дыба и Лимон не поделили между собой территорию и были готовы сцепиться, как пауки в банке.

Поначалу Аксененко особого внимания на эти данные не обратил. Мало ли что там делят, а оказаться под ногами бандитов во время разборок он не хотел. Ребята там отмороженные – сначала убьют, а уже потом будут думать, на хрена это сделали. Нет, с мафией он определенно не хотел связываться! Но сегодня утром все изменилось.

К Аксененко домой позвонил один из его осведомителей и предложил встретиться как можно быстрее. Дмитрию было тяжело вставать после весело проведенной ночи с приятной подружкой, но работа есть работа! Выбравшись из кровати, Аксененко поспешил на встречу. Как оказалось, не зря. Трусливо озираясь по сторонам, осведомитель сообщил, что глава одной из группировок, Роговский, сегодня встречается с начальником УВД Юго-Восточного округа Москвы полковником Дурновым.

– А мне какое до этого дело? – равнодушно поинтересовался Аксененко, закуривая дорожную сигарету.

– Ну не знаю, – пожал плечами осведомитель. – Только совсем недавно Дурнов негласно сотрудничал с группировкой Лимона. С чего бы это ему встречаться один на один с Роговским? Не в шашки же они играть собираются...

А вот это уже заинтересовало Аксененко. Дмитрий не был лопухом и прекрасно понимал, что именно может означать такая встреча. Скорее всего, между Роговским и Дурновым будет заключен союз. И тогда туго придется Лимону, да и Дыбину, не ожидающему предательства со стороны недавнего партнера. Этим шансом стоило воспользоваться.

Конечно, Аксененко не собирался шантажировать мафию! Но теперь в игре появилась новая фигура – полковник Дурнов. Дмитрий знал, что связываться с ментами еще опаснее, чем с бандитами. Но только не в этот раз. Дурнов законы обязан был знать. Поэтому вряд ли он решится расправиться с Аксененко, когда тот добудет материал о его встрече с Роговским и предоставит полковнику выбор: либо он заплатит, либо Лимон и Дыба получат интересную информацию, а тогда Дурнова не защитит даже вся московская милиция.

Дмитрий понимал, на какой риск он идет, но игра стоила свеч. В случае удачного завершения дела он может сорвать с Дурнова неплохой куш и отвезти свою звездную фотомоделю на недельку на Канары. Причем отрываться можно будет на всю катушку, не слишком заботясь о деньгах. Да и на черный день что-нибудь останется!

Аксененко расплатился с осведомителем и помчался домой. До встречи бандитского авторитета с ментом оставалось не так много времени, а подготовиться следовало с особой тщательностью. В этот раз Дмитрий должен был исключить даже малейший риск. Ведь пауки в банке могли в любой момент забыть друг о друге и наброситься на него!..

* * *

Роговский и Дурнов не спеша прогуливались по одной из аллей в парке имени Горького. Бдительные телохранители Быка, оберегая покой своего босса, перекрыли аллею с двух сторон, не пуская туда случайных прохожих. Впрочем, пешеходов в такой ранний час было не слишком много.

Собственно говоря, парк именно поэтому и был выбран местом встречи двух авторитетов. Роговский сначала предложил провести переговоры в «Сказке», но полковник категорически отказался. Он вообще не собирался разговаривать с бандитом там, где есть хоть малейшая вероятность встретиться с кем-либо из своих знакомых или приятелей Роговского.

– Значит, Юрий Никифорович, вы гарантируете нам свое невмешательство, когда мы начнем разбираться с этим козлом? – поинтересовался Бык, внимательно посмотрев на полковника.

Тот усмехнулся.

– К чему переливать из пустого в порожнее, Станислав Семенович, – скривившись, ответил мент. – Я же вам уже объяснял, что проблема решается просто. Мне наплевать, кто именно будет делиться со мной и моими ребятами. Главное, чтобы деньги шли, на территории был порядок и вы иногда облегчали нам работу, сдавая всякую шелупонь. Ясно?

– Тогда почему вы стали поддерживать Лимона? – довольно агрессивно поинтересовался Роговский. – У меня лично, между прочим, были из-за этого довольно серьезные проблемы. Да и убытки я немалые понес...

– А мне наплевать на ваши проблемы и убытки. – Дурнов резко остановился и вызывающе посмотрел Быку в глаза. – Вы стали слишком зарываться, дорогой Станислав Семенович. Слишком много стали себе позволять. Но давайте забудем о прошлых обидах! – полковник резко сменил тон и вполне дружелюбно улыбнулся. – В народе говорят, что старый друг лучше новых двух. Мы с вами старые друзья. И я надеюсь, что теперь, после маленького урока, наша дружба станет еще крепче. Вы не согласны?

– Отчего же, вполне, – усмехнулся Роговский.

В душе он ненавидел этого мента, взявшего на себя слишком много власти. Некоторое время Дурнова никто в преступных кругах не воспринимал всерьез, но полковник смог доказать свою силу. Некоторое время в душе Роговского жила надежда на то, что Дурнова повысят и переведут куда-нибудь в другое место, но она лопнула, как мыльный пузырь. Полковник не желал уходить от щедрой кормушки, всякий раз отказываясь от повышения в должности.

– Значит, когда Лимон отойдет от дел, с вашей стороны возражений не последует, Юрий Никифорович?

– Только постарайтесь не устраивать бардака в моем районе, – поморщился Дурнов, довольный настырностью преступного авторитета. – Иначе придется искать виновных. А я пока позвоню Лимону и скажу, что пришлю человека за деньгами.

– Ну виновных мы вам найдем. Об этом не волнуйтесь, – рассмеялся Бык и протянул полковнику руку. Тот пожал ее. – Просто свяжитесь со мной!

Дурнов кивнул головой и, круто развернувшись, пошел в глубь аллеи. Роговский с кривой ухмылкой посмотрел ему вслед и поманил пальцем Лысого. Бригадир сорвался с места и подбежал к боссу.

– Вот что, Толик, – произнес Роговский, похрустывая костяшками пальцев. – Собирай братву и поговорите с Лимоном. Сделаешь все так, как договаривались вчера. И чтобы было поменьше шума. Ты понял меня? Сам постарайся поменьше рисоваться. Пусть ребята Дыбина потрудятся.

– Значит, с Дурновым все улажено? – обрадованно поинтересовался Лысый, горя желанием отомстить своему давнему обидчику Лимону.

– Не твое собачье дело, – холодно отрезал Бык. Бригадир, смутившись, опустил голову. – Не суй свой длинный нос, куда не следует. Твоя головная боль – это чисто сделать дело. Остальное тебя не касается. Ты понял?

– Да, – Лысый коротко вздохнул.

– Вот и вали, в натуре! – рявкнул Роговский и пошел к другой группе телохранителей.

Лысый развернулся и быстрым шагом направился к двум браткам, ожидавшим его распоряжений.

– Чего стоите, как пеньки, в натуре?! – заорал Толян, приближаясь к боевикам. – Марш в машину, уроды. Вечно с вами один геморрой!

Оба бандита припустили к выходу из парка, а Лысый остановился и достал из кармана мобильник. Раздраженный нагоняем от Роговского, он перепутал цифру телефонного номера, и, когда на его звонок ответил шамкающий голос какой-то старушки, Лысый обругал ее,

использовав весь свой мизерный словарный запас. Наконец со второй попытки он дозвонился до Купона.

– В общем, так, братан. Проблему разрулили, – ухмыльнулся он в трубку. – Давай, конкретно, хватай в охапку свою братву и гони к этим двум уродам, что подставили нас на стрелке. Возьмешь их живыми, в натуре. А чисто с Лимоном моя братва разберется.

– Не пойдет, Толян, – отрезал его собеседник. – У меня к Лимону конкретный базар есть. Он мне, сука, кое-что должен. Поэтому рулить с ним буду я.

Некоторое время оба спорили, кому и с кем разбираться. В итоге решили, что двух ближайших соратников Лимона их братки поделят между собой. А они вместе завалятся на квартиру к ненавистному авторитету.

С Лимоном проблем возникнуть не должно было никаких. Обычно он до одиннадцати утра валялся в постели, а затем выбирался проверять, как идут дела.

До квартиры Лимона Лысый добрался быстрее Купона. Как и условились, он подождал компаньона, не выходя из машины, прямо у подъезда дома будущей жертвы. Встретившись, они обменялись короткими рукопожатиями и заспешили вверх по лестнице.

Лимон жил на третьем этаже. Вход в его жилище закрывала массивная бронированная дверь. Квартира была также оборудована видеофоном. Купон со своим напарником поднялись вверх на один лестничный пролет, а Лысый остался внизу, отослав помощника поговорить с Лимоном.

– Чего надо? – раздался из динамиков видеофона голос ненавистного авторитета, после того как боевик нажал на кнопку звонка.

– Я за деньгами, – высокомерно произнес бандит, перемалывая челюстями жвачку. – Дурнов должен был позвонить.

– Сейчас открою, – ответил Лимон, и из-за бронированной двери донесся звук открываемого замка.

Дальше все произошло стремительно. Лимон даже не успел приоткрыть дверь, как помощник Лысого с силой рванул ее на себя, одновременно выхватывая из кармана пистолет. Хозяин квартиры буквально вывалился на лестничную площадку и врезался животом прямо в ствол выставленного вперед пистолета. Задохнувшись от сильного удара, Лимон увидел, как сверху и снизу к нему бегут бандиты.

– Суки, продали, – прохрипел он и попытался закрыть дверь, не обращая внимания на пистолет у своего пуза.

Помощник Лимона помнил о том, что шума должно быть как можно меньше. Поэтому стрелять он не стал, а просто ударил пистолетом хозяина по челюсти. Лимон завизжал от дикой боли и, выплевывая осколки поломанных зубов, свалился на пол в своей прихожей. В ту же секунду боевик оказался рядом с поверженным врагом и нанес ему еще один удар. На этот раз рукояткой пистолета в висок.

Лысый и Купон ввалились в квартиру своего кровного врага почти одновременно. Увидев неподвижного Лимона, оба бросились вглубь по коридору и тут же застыли – на пороге одной из комнат появилась пятнадцатилетняя девушка.

– Папа, что тут про... – попыталась спросить она и замолчала, увидев окровавленного отца на полу и незнакомых людей около него.

Девушка попыталась завизжать, но Купон одним прыжком подскочил к дочери Лимона и, круто развернув ее, прижал к себе, затыкая ладонью рот. Купон зашипел на своего подчиненного:

– Чего пялишься, как баран! Дверь запри! – А затем скомандовал Лысому: – Осмотри остальные комнаты. Быстро!

Бригадир Роговского поморщился, но все-таки метнулся в следующую комнату с пистолетом в руке. А Купон тем временем заташил упирающуюся и пытающуюся кричать девчонку в ее спальню. Не убирая ладони от ее губ, Купон приставил ей ко лбу пистолет и прошипел:

– Сейчас я тебя отпущу. Но если ты, овца, в натуре, разинешь свою пасть, я тебе конкретно лишнюю дырку в башке обеспечу. Поняла?

Испуганно глядя на пистолет, девушка всхлипнула и покорно кивнула головой. Купон осторожно убрал ладонь от ее губ и настороженно наблюдал за реакцией девчонки, готовый в любую секунду вернуть руку назад. Но дочка Лимона не закричала. Широко открытыми от испуга глазами она смотрела на своего мучителя, боясь пошевелинуться даже для того, чтобы смахнуть катившиеся по щекам слезы.

– Вот так-то лучше, – неожиданно доброй улыбкой расцвел бандит. – А теперь повернись лицом к стене.

Девушка кивнула головой и выполнила приказ. Но едва она отвернулась, как Купон отработанным ударом ребром ладони отправил ее в нокаут. Подхватив потерявшую сознание девчонку, он бросил ее на кровать, а затем обернулся к вошедшему в комнату Лысому.

– Все чисто, в натуре, – выдохнул тот. – Бля, откуда эта сучонка взялась? Она же в школе должна была быть!

– Мне по хрену, где она должна была быть, – огрызнулся Купон. – Но сейчас она конкретно на кровати лежит!

– Замочил? – Лысый удивленно вскинул свои белесые брови.

– Ты че, совсем охренел, бля, в натуре?! – возмутился бригадир Дыбина. – Вырубил конкретно, и все. Чего теперь с ней делать будем?

– А это уже твои проблемы, Витек, – осклабился Лысый. – Ты с ней начал рулить, тебе и заканчивать! – И, круто развернувшись, бандит вышел из спальни.

– Да пошел ты... – выматерился Купон и, достав из кармана сотовый, набрал номер телефона Дыбина. – Босс, у нас тут проблемы!..

* * *

Лариса разбудила Щукина рано утром, около шести часов. Она что-то нежно зашептала ему на ушко, а затем принялась щекотать губами щеку. Николай в первую секунду не понял, где он находится и кто сейчас рядом с ним в постели. Он резко сел на кровати и удивленно посмотрел на Ларису. Затем потряс головой и улыбнулся. Девушка рассмеялась в ответ.

– Ой, Колечка, какой ты смешной стал, – весело проговорила она, обвивая шею Щукина руками и притягивая его к себе. – Отвык там, в тайге, с женщинами спать?

– Точно так, – кивнул головой Щукин, снова заваливаясь. – Там только медведицы мне попадались. Но, поскольку от них дурно пахнет, верность тебе я сохранил.

– Ах, только потому, что дурно пахнет?! – театрально возмутилась Лариса, приподнимаясь на локте.

– Нет, – оправдываясь, воскликнул Николай. – Еще и потому, что не люблю излишне волосатых представительниц женского пола! – За что и получил тут же подушкой по голове.

Щукин, смеясь, закрылся от удара руками, а Лариса, стремясь придавить его подушкой к кровати, навалилась на нее всем телом. Некоторое время оба, дурачась, боролись. Потом Николай наконец вывернулся и прижал к кровати Ларису, заглушив ее возмущенный визг горячим поцелуем. А затем волна страсти захлестнула обоих...

Когда все закончилось, Николай достал сигарету из пачки «Ротманса» и закурил. Лариса нежно прижалась к нему, положив голову на плечо. А Щукин нежно поглаживал ее по обнаженному бедру, выпуская дым в потолок.

– Ой, Коленька, знал бы ты, как мне не хочется на работу идти, – тяжело вздохнула Лариса, крепче прижимаясь к Щукину.

– Так не ходи, – пожал плечами Николай, заранее зная, что именно ему ответит девушка. – Позвони и скажи, что заболела.

– Не могу, – снова вздохнула Лариса и, освободившись от объятий любимого, села на кровати. – Это ты у нас сейчас вольная птица, а мне начальство голову оторвет. Хорошо, если еще с работы не выгонят. А вот премии точно лишат! – Девушка соскользнула с кровати и накинула на плечи легкий халатик. – Лежи. Сейчас я завтрак приготовлю.

Глядя вслед вышедшей из спальни Ларисе, Щукин усмехнулся. В другое время, при других обстоятельствах он непременно влюбился бы в эту женщину. В Ларисе было все, что только могло понадобиться мужчине: безмерная преданность, граничащая с поклонением, страстная чувственность, пленяющая красота и способность к самопожертвованию. Все это могло сразить кого угодно. Любой бы упал к ногам такой женщины. Любой! Но не Щукин.

В средней школе юный Николай довольно быстро приобрел славу бесстрашного задиры. Мальчишки уважали его и боялись, а девчонки, привлеченные яркой внешностью Щукина, наперебой пытались завоевать расположение голубоглазого паренька. Они писали ему любовные записки, строили глазки и неуклюже, по-детски кокетничали, но все получали отказ. Николай же вскоре заработал себе репутацию самовлюбленного нелюдимого бирюка.

Школьницы перестали обращать на Щукина внимание, даже не попытавшись разобраться, отчего он сторонится их общества. А Николай был просто страшно застенчив. Он стеснялся общества девчонок, но еще больше боялся из-за своей неловкости стать объектом насмешек более расторопных ровесников. И, глядя на влюбленные парочки, расплзающиеся по темным углам дискотек, страшно завидовал и страдал. Хотя и делал вид, что ему наплевать на любовные похождения приятелей.

А потом появилась она. Принцесса, Шемаханская царица, гений чистой красоты. Она подошла к нему на дискотеке и пригласила танцевать. Щукин, презрительно сплюнув, отказался. Но это не остановило ее. Она была старше на три года и знала, как добиваться своего. Коля, уже сгорая от любви, сторонился ее и старался всячески избегать тех мест, где они могли встретиться хотя бы случайно.

Но она была сильнее. Она уходила с занятий в институте, встречая Николая после школы. Она звонила ему домой, раздобыв где-то номер Колиного телефона. Она находила его везде. И через два месяца он сдался. Капитулировал полностью и окончательно, погрузившись с головой в волну новых ощущений.

Николай влюбился без памяти и считал, что ему отвечают такими же чувствами. Он был готов ради любимой пойти на все. Наверное, смог бы предать и уж точно готов был умереть по ее приказу. И однажды ему пришлось сломать собственную жизнь ради, как ему тогда казалось, спасения любимой. Сделать то, что юный Коля считал одним из смертных грехов. Но девушка предала его.

Сейчас, с высоты своих лет, Николай понимал, насколько банально все это выглядело, насколько наивным было его неверие в любовь. Все это выглядело не меньшим мальчишеством, чем его детские страхи, но он ничего поделать с собой не мог. Щукин не мог любить. После того предательства он мог только ненавидеть.

Щукин с привычной улыбкой посмотрел на Ларису, вошедшую в спальню с подносом в руках. Она была действительно во многих отношениях безупречной женщиной. Но, как и все нормальные люди, не была лишена недостатков. По крайней мере, один из них был известен Николаю: Лариса не слишком хорошо готовила. И это еще было мягко сказано!

Впрочем, Николай никогда не говорил девушке об этом. И однажды, с трудом проглотив за ужином неопределенного вида блюдо, приготовленное Ларисой и названное ею «голубцами», Николай сделал вид, что он крайне галантный человек, и навсегда избавил девушку от

необходимости готовить. Щукин либо увозил Ларису в ресторан, либо брал бразды правления кухней в свои руки.

– Милый, ты пока завтракай, а я пойду приводить себя в порядок, – нежно проворковала девушка, ставя поднос поверх одеяла на колени Щукина.

– А я думал, что мы поедем вместе, – разочарованно выдохнул Николай.

– Не-ет! Я на диете, – помахала пальчиком девушка и выпорхнула из спальни.

Щукин пожал плечами и принялся за уничтожение завтрака. Он не спеша поел и, услышав, что Лариса освободила ванную, выбрался из кровати. Пока девушка красилась, Щукин успел умыться, побриться, надеть свежую белоснежную сорочку и повязать галстук. Увидев его «при параде», Лариса нахмурилась.

– Ты куда-то уходишь? – разочарованно поинтересовалась она. – А я думала, что ты дождешься меня дома.

– Нет, Лисенок. – Щукин с усмешкой покачал головой. – У меня есть еще кое-какие дела в Москве.

– Тогда заberi с собой запасные ключи, – вздохнула Лариса. – Если закончишь раньше, жди меня дома. Я сделаю тебе сюрприз...

Они вместе вышли из квартиры через полчаса. Лариса, сияя, будто начищенный самовар, крепко держала Щукина под руку, всем телом прижимаясь к нему. Девушка собиралась ехать до работы на метро, но Николай отрицательно покачал головой и поймал такси. Доехав до офиса, в котором работала Лариса, Щукин, прощаясь, крепко поцеловал ее.

– Знаешь, милый, я кое-что придумала, – хитро прищурилась Лариса, прежде чем выйти из машины. – У меня на работе накопилось несколько отгулов. Сегодня я напишу заявление, и мы проведем вместе несколько прекрасных дней!

– Это было бы чудесно, – улыбнулся Николай и, простившись с девушкой, попросил водителя ехать дальше.

Едва машина завернула за угол, Щукин откинулся на спинку сиденья и задумался. Дела, из-за которых он приехал в Москву, не терпели присутствия посторонних. Потом, когда все закончится, можно будет и повеселиться вместе с Ларисой.

Впрочем, проблема была вполне решаемой! Щукин знал, как помешать начальству Шевцовой предоставить девушке заслуженные отгулы. Выбравшись из такси, Николай прошел в ресторан «Прага» и, заказав отдельный кабинет, попросил у официанта легкий завтрак, шампанское и телефон. К завтраку Щукин почти не притронулся, шампанское едва пригубил, а вот телефоном воспользовался сполна. Узнав в справочной телефон нужного ему отделения налоговой инспекции, Николай уверенно набрал номер.

– Здравствуйте, девушка, – услужливо-вкрадчивым голосом проговорил он. – У меня есть информация о том, что в фирме «Катерина» ведется двойная бухгалтерия. Факты проверены, поскольку я сам видел соответствующие документы, но доказать я ничего не могу. Ищите сами. На то вы и налоговая инспекция...

– А кто говорит? – раздался в трубке удивленный женский голос.

– Слон, – сказал Щукин и отключил связь.

Дело было сделано. Спасибо новым российским фискальным законам! Это раньше анонимные звонки почти никогда не принимались к сведению налоговой службой. В ближайшие два-три дня фирму, где работает Лариса, ждет серьезная проверка. Щукин развязал себе руки. После его звоночка начальник Шевцовой уж точно не сможет предоставить своей подчиненной отгулы. А к тому времени, когда проверка закончится, Николай надеялся полностью разобратся со своими делами.

Выпив бокал шампанского, Щукин усмехнулся и, расплатившись с официантом, вышел на утренний, еще не задымленный окончательно выхлопными газами воздух. Его путь теперь лежал на Старый Арбат. Щукин представил, каким возмущенным будет вечером милое личико

Ларисы. Впрочем, ничего страшного. Вернуть ей хорошее настроение вполне ему по силам. Но это – потом! А пока надо было успеть выполнить до конца рабочего дня все задуманное.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Аксененко знал о Лимоне очень многое: его привычки, распорядок дня, кое-кого из приближенных преступного авторитета. Знал даже домашний адрес Лимона. Вот только номер телефона бандита раздобыть ему так и не удалось. Неизвестно по каким причинам, но Лимон держал его в тайне от всех.

Дмитрий всегда считал себя крайне рассудительным и расчетливым человеком. Направляясь к месту встречи Роговского с Дурновым, он еще раз тщательно обдумал свои действия и понял, что вряд ли можно будет шантажировать милицейского начальника тем, что он предъявит Лимону фотографии Дурнова с Роговским.

Это была во всех отношениях глупая мысль!

Аксененко горько усмехнулся. Впервые, нарушив свои собственные принципы работы, он собирался вести игру не по правилам, которые сам придумал. Впервые Дмитрий не угрожал человеку тем, что передаст на него материал в компетентные органы. Он хотел напугать бандита в погонах тем, что с ним расправятся его же дружки. Но почему Дурнов должен действовать так, как поступали остальные жертвы шантажиста?

Не-ет! Скорее всего, начальник УВД поступит совершенно иначе. У него появился новый союзник – Роговский, и, угрожая Дурнову, Аксененко ставил Быка под потенциальный удар со стороны Дыбина. А это могло обернуться крайне неудачным для Дмитрия поворотом событий!

Тут нужно было либо действовать по-иному, либо вовсе бросить это дело и заняться кем-нибудь помельче. Например, сыном заместителя министра иностранных дел, который в последнее время что-то зачастил в один ночной клуб, пользующийся в некоторых кругах слабой притона.

Но Аксененко было трудно отказаться от того огромного куска, который он собирался откусить от пирога начальника УВД. Ведь в случае с Дурновым речь шла не просто о потере репутации, а о жизни и смерти, о дальнейшем процветании или полной нищете. Нужно было что-то придумать, чтобы крепко подцепить на крючок Дурнова. И выход был найден. Аксененко решил собрать фотоматериал, доказывающий связь Дурнова с мафией, а затем пригрозить полковнику тем, что передаст компромат властям.

Конечно, Дмитрий понимал, что затевает, пожалуй, самую рискованную игру за всю свою жизнь. Но от одной мысли о том, какой куш он может сорвать, если дельце выгорит, у Дмитрия начинали чесаться руки. Можно будет уйти от дел, пропасть, затеряться и открыть свою маленькую фотомастерскую где-нибудь на склонах Везувия или на пляжах Карибских островов!

К черту тогда и любимую фотомоделю, и опостылевшую Москву. Там, за бугром, у него будет достаточно денег для красивой жизни и масса самых соблазнительных женщин, готовых броситься в его объятия. А когда надоест безделье, можно будет заняться фотобизнесом. Уж кто-кто, а он всегда сможет заработать этим делом немалые деньги там, на Западе!

И Дмитрий решил рискнуть. Он начинал охоту за Дурновым. У него уже имелись фотографии полковника и Роговского, сделанные при помощи мощного фотообъектива в парке имени Горького. Теперь предстояло устроить встречу Дурнова с еще одним преступным авторитетом – Лимоном. А затем проследить за развитием событий.

Для того чтобы свести Лимона и начальника УВД, Аксененко придумал нехитрый план. Он собирался поехать к авторитету домой и сказать, что Дурнов и Роговский забили стрелку за его спиной. Конечно, Лимон примется расспрашивать Аксененко о том, откуда он получил такую информацию, но для этого у Дмитрия было простое объяснение. Дескать, когда он возвращался из магазина, его остановил на улице какой-то амбал, вылезший из «Мерседеса»,

заплатил ему деньги и попросил передать эту информацию человеку, чью фотокарточку он показал, и назвал номер его квартиры.

Не правда ли, гениальный план!

По дороге к дому Лимона Аксененко остановился, заново тщательно продумал свой план и, не найдя в нем никакого изъяна, поехал дальше. Дмитрий оставил свою машину неподалеку от дома авторитета, а сам зашел в магазин и купил первые попавшиеся на глаза продукты. Чтобы рассказ выглядел достовернее! Но они негодились. К тому моменту, когда Аксененко завернул во двор дома Лимона, у подъезда, где жил преступный авторитет, уже толпился народ и мелькали милицейские фуражки!

– Что тут случилось? – удивленно поинтересовался Аксененко, подходя к толпе зевак и дергая за рукав какого-то черноволосого мужчину.

– А хрен его знает, – пожал плечами тот. – Шлепнули кого-то.

– Не кого-то, а бандюгу, вора и спекулянта! – резко обернувшись, встрял в разговор седой старикашка.

– Конечно, дед, – издевательски усмехнулся черноволосый. – Ты у нас все знаешь.

– И знаю! – гневно взмахнул сухоньким кулачком старик. – Я тут, почитай, без малого сорок лет прожил. Во-он, в том подъезде. Сидоров моя фамилия. И меня тут все знают. У любого спроси! И я не раз людям говорил, что прибудут когда-нибудь этого Верстова...

Аксененко дальше не слушал. Мысли хороводом закружились в его голове, налезая одна на другую. Дмитрий знал, что Верстов – это фамилия Лимона. Его убили. Причем сразу же после встречи Дурнова с Роговским. А это говорило о многом!

Ах, как сейчас Аксененко жалел о том, что пришлось слишком далеко поставить машину от того места, где полковник встречался с бандитским авторитетом.

Аксененко отошел в сторону от толпы и, потирая взмокший лоб, попытался понять, что ему лично дает это убийство. С одной стороны, смерть Лимона полностью разрушила его планы. Теперь, чтобы набрать компромат на Дурнова, придется выдумывать еще что-нибудь.

Аксененко ничуть не сомневался, что смерть бывшего союзника начальника УВД стала результатом переговоров Дурнова с Роговским. Это означало, что новый альянс с места в галоп взялся за устранение своих бывших партнеров. То есть если убит Лимон, то скоро будет мертв и Дыбин.

Аксененко метнулся к своей машине. Информации о Дыбине у него было меньше, чем о Лимоне. И все же Дмитрий знал, где можно найти этого кандидата в смертники. Сейчас главное – не опоздать!

И все же Дмитрий не побежал к машине, а остановился на полдороге. Если его версия верна, то Дыбина вряд ли станут устранять раньше сегодняшнего вечера. Чтобы милиция связала между собой эти два убийства как разборки между преступными группировками, требовалось время. То самое, которое должно понадобится братве Лимона, чтобы выяснить, кто именно убил их босса, а затем отомстить.

Дмитрий также придумал, как можно выжать максимум пользы из смерти Лимона. Нужно было просто найти убийцу и получить в руки доказательства его связи с полковником Дурновым или Роговским. Насколько Дмитрий знал из множества прочитанных детективов, расследование любого уголовного дела возглавляет не мент, а следователь прокуратуры. Из тех же источников ему было известно, что отношения между ментами и подчиненными прокурора были всегда натянутыми. А это говорило о том, что следак на убийстве Лимона вряд ли будет человеком Дурнова. Значит, и искать преступника он будет не по указке полковника.

Аксененко решил непременно узнать, кто именно возглавляет следственную бригаду по делу об убийстве Лимона. К сожалению, у Дмитрия в прокуратуре не было ни одного осведомителя, но Аксененко не сомневался в том, что любого можно купить. Главное – предложить нужную сумму.

Дмитрий вернулся и, протиснувшись в первые ряды зевак, принялся ждать окончания работы милиционеров. Он задира голову и переговаривался с соседями покойного, незаметно пробираясь поближе к одному из милиционеров.

Аксененко ждал довольно долго. В подъезд никого не впускали и никого не выпускали. Лишь изредка члены следственной группы в штатском сновали по лестнице. Аксененко уже начинал терять терпение. Наконец санитары «Скорой помощи» вынесли на улицу труп Лимона, накрытый белой простыней. Машина «Скорой помощи» отъехала от подъезда, а вскоре на улицу вышло несколько человек. Они вполголоса переговаривались, причем один из мужчин при этом оживленно жестикулировал.

– Ишь ты, грозный какой, – восхищенно выдохнул Аксененко и подергал милиционера за рукав.

Тот удивленно обернулся.

– Во-он тот, – проговорил Дмитрий, кивнув головой в сторону мужчины, размахивающего руками. – Начальник, наверное, большой?

– Огромный, – усмехнулся сержант. – Патологоанатом. Вот будешь трупом, он над тобой и покомандует.

Стоявший рядом совсем молодой милиционер рассмеялся. Аксененко потупил глаза, сделав вид, что смущен шуткой сержанта, а затем заметил:

– Обманываете вы. Кто же тогда начальник, если не он?!

– Нам обманывать не положено, – улыбнулся второй милиционер. – Это действительно патологоанатом. А командует тут вон тот, маленький и лысый, следователь прокуратуры Мелешко...

– А ты, вообще, кто такой? – грозно стрельнув глазами в сторону своего младшего товарища, подозрительно спросил сержант у Аксененко.

– А я че? Я ниче, – залепетал Дмитрий. – Я сосед убитого. Во-он в том подъезде живу. Сидоров моя фамилия. – Отступив от сержанта на шаг, Аксененко слился с поредевшей кучкой зевак.

* * *

Первым делом Шукин зашел в ближайший общественный туалет. Он снял с себя отутюженную одежду и, безжалостно комкая, побросал в полиэтиленовый пакет. Затем достал из сумки кроссовки, линялые джинсы и клетчатую рубашку. Переодевшись, он уложил пакет с деловым костюмом в опустевшую сумку. Выйдя из кабинки, Николай придирчиво осмотрел себя в зеркале и остался доволен внешним видом – этакий Клинт Иствуд в самом расцвете сил! Улыбнувшись своему отражению в зеркале самой ослепительной улыбкой, Шукин чуть взлохматил волосы и отправился дальше, на Старый Арбат.

Николай полдня прогулял по Арбату. Он вел себя, как настоящий турист, ничем не выделяясь из толпы. То останавливался послушать музыкантов, то приценивался к матрешкам, расписанным физиономиями различных президентов, а то просто сидел в летних кафе, попивая пиво. Но больше всего внимания Николай уделял художникам. Он рассматривал картины, вел споры по поводу художественных стилей, а иногда изображал из себя полного профана и пытался получить разъяснения по поводу той или иной техники письма.

Шукин искал. Искал человека, который смог бы ему помочь. Пока он не знал, как выглядит этот человек, во что одевается и где может находиться. Он не знал о нем ничего. Кроме того, что он должен владеть нужной ему информацией.

Примерно около половины двенадцатого из подворотни появилась группа мужчин и женщин. Возраст у всех был совершенно разный, но объединяло их всех одно – они принадлежали к некогда многочисленному, а сейчас почти вымершему племени хиппи. По крайней мере,

выглядели именно так: сальные длинные волосы, тряпочки через лоб, мешковатые одежды и линялые джинсы.

Они принесли с собой много картин. Небрежно расставив их около стены дома, хиппи расселись рядом и закурили. Щукин подождал несколько минут, дав возможность художникам окончательно устроиться около стены, а затем, купив пару бутылок пива, подошел к ним.

Остановившись, Николай несколько секунд делал вид, что рассматривает холсты. А затем, присев на корточки напротив художников, почти не обращавших на него внимания, сделал из своей бутылки большой глоток пива.

– Туфта, – задумчиво констатировал он.

– А это на ценителя, елы-палы, – хмыкнула совсем юная представительница хиппи-сапиенс.

– Не, в натуре, туфта, – в тон ей ответил Николай и протянул девчонке бутылку пива. – Держи!

Она, тряхнув головой, ловко открыла ее тонким колечком, сделанным, судя по всему, из нержавеющей стали. Остальные сглотнули слюну. Девчонка сделала несколько глотков, опорожнив бутылку почти наполовину, а затем облегченно вздохнула. Щукин хмыкнул.

– Вот-вот, я и говорю: туфта. Пиво все же лучше, – проговорил он. – А вы, чем ерундой страдать, занялись бы иконописью. Больше бы заработали.

– Интересуешься иконами? – Хлипкий мужичок с козлиной бородкой и четками на груди встрепенулся.

– Может быть, еще не знаю. Хотелось бы настоящей красоты, – как можно более равнодушно ответил Щукин и, продолжая разглядывать картины, протянул бородатому вторую бутылку пива.

– Но для того чтобы лучше ее воспринимать, сначала нужно как следует оттянуться, – закончил свою фразу Николай, когда почувствовал, как бутылка исчезла из его руки. – Есть где?

– Мест много, – начал было бородатый, но девчонка перебила его.

– А башли? – торопливо поинтересовалась она.

– Не столько, чтобы меня можно было кружить, но косячком поделюсь, – все тем же равнодушным тоном ответил Николай.

– Тогда пошли. – Девчонка поднялась на ноги и представилась: – Яна.

– Илья, – кивнул Щукин, слегка коснувшись кончиками пальцев ее потной ладошки.

– Тома, – тут же протянула руку Николаю вторая представительница слабого пола, женщина неопределенного возраста. – Я с вами. Эти пиплы тут и без нас обойдутся. А мы себе сегодня устроим выходной.

– Ну и хрен с вами, – пожал плечами бородатый. – Бухалова вечером не ждите.

Но они не обратили на эти слова никакого внимания. Кивнув Щукину, обе быстрым шагом направились внутрь того арбатского дворика, из которого вышли примерно полчаса назад. Николаю не оставалось ничего другого, как подняться с корточек и двинуться следом за ними.

Все трое направлялись дворами куда-то в сторону Сивцева Вражка. Около одного из подъездов старинного дома девушки немного задержались, поджидая Николая, лениво-расслабленной походкой шедшего следом. Едва он приблизился, обе синхронно кивнули ему головой, приглашая войти в подъезд.

Подъезд дома, в который вошел Николай, представлял собой точную копию картины «Защита дома Павлова». Перила во многих местах держались на честном слове. Штукатурка со стен осыпалась. Стены были исписаны надписями на всевозможных языках, а потолки лестничных пролетов густо усеяны черными пятнами от сгоревших спичек. Щукин брезгливо поморщился.

– Да, приятное местечко, – скептически сказал он. – Надеюсь, что клопы, блохи, вши и тараканы водятся здесь в количествах, не превышающих стада антилоп в африканской саванне?

– Че? – удивленно переспросила Яна.

– А тебе не по фигу? – сказала Тома. – Ты не шугайся, Илья. Хаза тут, конечно, не как у Березовского, но оттопыриться можно спокойно. По крайней мере, менты не гоняют и глуховых нариков нет. В общем, цивил.

Его спутницы остановились перед одной из дверей на третьем этаже и нажали кнопку звонка. Сначала три раза, затем два и один.

«Да. Суперсекретный код», – подумал Щукин, а вслух спросил:

– Тут, что ли, ваша хаза?

– Ага, малина ништяковская, – подтвердила Тамара.

– Башли давай, – потребовала тем временем Яна и резко протянула вперед ладонь.

– Э нет. Я сам. – Щукин фыркнул и отодвинул руку девушки от себя. – Может, меня цена не устроит, или товар, или компания...

– А тебе не по фигу? – Удивлению Тамары, казалось, не было никакого предела. – Ты сюда оттопыриться пришел?

Николай неопределенно пожал плечами.

– Тогда по фигу! – утверждающе заявила девушка, но денег у Щукина никто больше спрашивать не стал.

Дверь в квартиру довольно долго не открывали. Однако ни одну из девушек это, казалось, не волновало. Обе спокойно стояли и ждали, когда кто-нибудь ответит им на звонок. Наконец минуты через три послышался лязг открываемых замков, и в приоткрытую дверь высунулась чья-то азиатская физиономия.

– А это кто такой? – поинтересовалась рожа, кивнув в сторону Щукина.

– Тебя, Ренат, это не касается, – ответила Яна и, толкнув дверь, отодвинула азиата с дороги. – Где Косой?

– А я почему знаю? – слегка обиженно ответил тот. – Сами ищите.

Николай рассчитывал увидеть за дверью маленькую и неопрятную квартирку, а попал в зал, мало чем уступающий баскетбольной площадке.

Из мебели в зале были лишь парочка диванов да несколько потертых ковров на полу. А вот посетителей в комнате оказалось намного больше. Разбившись на небольшие группки, человек тридцать почти полностью заняли все свободное пространство. Одни сидели на диванах или вдоль стен. Другие лежали на полу прямо посреди комнаты и пускали в потолок дым. Откуда-то лилась негромкая музыка. И казалось, что тихо звучит она оттого, что никак не может пробиться сквозь густые клубы дыма.

Ренат, открывший им дверь, куда-то исчез. Девушки немного постояли у дверей – видимо, высматривая в толпе Косого, а затем направились к одной из двух дверей в дальней стене. Щукин пошел следом, а по дороге умышленно наступил на руку одному из развалившихся на полу парней. Просто хотел посмотреть, что будет. Парень не ойкнул, не возмутился и не устроил скандал. Он просто чуть приподнял голову и удивленно проговорил:

– Вот это тебя прет, чувак!

Почему-то всем присутствующим эта фраза показалась ужасно смешной. Громкий хохот, больше похожий на истерику, волнами перекатывался из одного угла комнаты в другой. Даже спутницы Щукина не удержались и принялись хихикать. И лишь один Николай оставался невозмутим. Так они и вошли в другую комнату: обе девушки, продолжавшие смеяться, и Щукин с выражением безразличия на лице.

Ее обстановка разительно отличалась от большого зала: масса дорогой и уютной мебели; множество картин, большинство которых, как сразу определил Щукин, было дешевыми подделками под работы великих мастеров.

В комнате находились четверо: высокий привлекательный мужчина со стеклянным глазом, лет сорока на вид, и три девушки в таких мини-юбках и блузках, которые скорее выставляли напоказ, чем скрывали женские прелести. Тамара чуть задержалась в дверях, Щукин оставался вместе с ней, а Яна, видимо на правах давнего друга одноглазого, сразу подошла к нему и ткнула носом ему в щеку.

– Что они там ржут, как стадо лошадей? – спросил одноглазый у Яны, глядя, впрочем, не на нее, а на Щукина.

– Да обкурились, идиоты, – неопределенно пожала плечами девчонка и обернулась к Николаю. – Знакомься, Серж. Это – Илья. Свой в доску чувак. Искусством интересуется. А это, – Яна кивнула в сторону одноглазого, – наш эксперт в живописи. Бо-ольшой авторитет. Зови его Серж.

– Значит, картинами интересуемся? – Косой удивленно вскинул брови.

– В некотором роде, – ответил Щукин, без приглашения опускаясь в одно из кресел.

– Короче, Илья, я свое дело сделала, – вмешалась в разговор Яна. – Тут по червонцу «гринов» за косяк. Тебе сколько?

– Возьми один для пробы, и сами с подругой раскурите. – Щукин протянул девчонке двадцать долларов и махнул рукой, давая понять, что она может идти.

Яна с Томой выпорхнули из комнаты, а следом за ними вышли и подруги Сержа, которым он также приказал оставить их с клиентом наедине. Девушки выразили по этому поводу крайнее недовольство, но ослушаться не посмели.

– Я так понимаю, что тебе нужно что-то необычное? – поинтересовался Серж, внимательно рассматривая Щукина.

– Именно, – кивнул головой Николай. – Я собираюсь приобрести несколько ценных икон. Мне нужны адреса коллекционеров. Настоящих коллекционеров, а не пустозвонов с Арбата. Я хочу посмотреть, есть ли у них то, что мне нужно. А ты за каждый адрес получишь пятьсот баксов.

Услышав это, Косой глухо расхохотался. Затем, еще не перестав смеяться, встал с дивана и, подойдя к бару в стене, достал оттуда бутылку водки и две хрустальные рюмки. Толкнув ногой журнальный столик так, чтобы он оказался между диваном и креслом, в котором сидел Щукин, Косой поставил на стол бутылку и опустился на прежнее место.

– Ой-ой-ой, какие мы наивные, – проговорил хозяин квартиры, разливая водку по рюмкам. – Значит, так вот придем, посмотрим и купим? И тебе эти иконы сразу бросятся показывать?

– А вот это тебя не касается, – усмехнулся Николай. – Ты мне даешь наводку, получаешь деньги, и мы расстаемся навсегда.

Косой несколько секунд насмешливо смотрел на Щукина. Он понимал, что гость вряд ли будет что-то покупать, и с предложением гостя согласился. Впрочем, потребовал за свои услуги куда большую плату, чем предлагал Щукин.

Некоторое время они торговались. Щукину постепенно начинала надоедать эта игра. Николай уже было решил плюнуть на все и уйти, но тут Косой пошел на попятный. Однако закончить переговоры им не дали.

Из зала донесся чей-то дикий визг, а затем глухие звуки ударов. Будто чьей-то головой били о стену. Косой в один миг сорвался со своего места и выскочил за дверь. Щукин, секунду поколебавшись, вышел следом.

В большом зале разгоралась нешуточная потасовка. Поначалу сцепились двое парней. Из-за сущей ерунды – одному показалось, что другой сделал больше затяжек из той папиросы

с анашой, которую они купили на двоих. Затем в их ссору вмешалась подружка одного из парней. А потом в драку ввязались все, кто был в большой комнате. Парни, девушки, женщины и мужчины колотили друг друга всем, что попадалось под руку. Косой и Ренат попытались разнять дерущихся, но обкурившихся и пьяных людей невозможно было остановить. Хозяин и его помощник получили несколько чувствительных ударов и оказались прижаты к стенке. Стекланный глаз Косого после очередного удара вылетел из глазницы и закатился куда-то под кровать. Серж истошно заорал, перекрывая своим рыком царивший в комнате шум:

– Убью, мать твою!..

С залитым кровью лицом и ярко-красной пустой глазницей он выглядел страшно. Словно адский демон из кошмарных снов. От него попятнулись, но Косого уже нельзя было остановить. Неизвестно откуда в его руках появился выкидной нож. Ни секунды не медля, Косой кинулся на долговязого парня.

Щукин легко мог остановить Косого. Но Николай не вмешался.

В конце концов, разборки в притоне наркоманов его совершенно не касались. Щукин не знал долговязого парня, да и с Косым пообщался лишь пару минут. И рисковать своей жизнью ради того, чтобы спасти от смерти одного идиота, а второго уберечь от тюрьмы, он не собирался. Щукину и своих забот хватало. Николай оттолкнул в сторону какую-то девушку и выскользнул из квартиры Косого, сопровождаемый истошным криком парня, в живот которому вонзилось лезвие ножа.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Николай почти бегом спустился вниз и так же торопливо прошел дворами. Выйдя на Тверскую, он присел на скамейку в сквере, закурил сигарету и задумался.

Щукин принадлежал к тому типу людей, которые считают, что любую проблему можно либо попытаться решить, либо капитулировать перед ней, либо просто отстраниться, предоставив возможность событиям развиваться самостоятельно. Вот и сейчас, не узнав у Косого адресов нужных ему людей, Николай мог или плюнуть на все и вернуться домой, или просто ждать, надеясь, что со временем подвернется какой-нибудь другой источник информации. Но Щукин не любил ни ждать, ни отступать. Поэтому и предпочел действовать.

Откинув окурки в сторону, Николай встал и осмотрелся по сторонам. Где-то здесь жил один его старый знакомый – Дмитрий Тomin – некогда мелкий фарцовщик по кличке Мутный, занимавшийся среди прочего и скупкой икон. Именно за иконы он и получил небольшой срок, отсидев который благополучно вернулся в Москву. Правда, после тюрьмы со своим прежним бизнесом Мутный завязал. Но это не означало, что у него не остались какие-то связи с прежними приятелями и коллегами. Конечно, обращаться к нему было рискованно, но у Щукина просто не оставалось другого выхода.

Чем сейчас занимался Тomin, Николай не знал. Не знал и точного адреса его. Однако, собираясь в Москву, Щукин навел кое-какие справки о Мутном. Он выяснил, что бывшего фарцовщика можно найти на одном из столичных базаров. Чаще всего Томина видели на Даниловском рынке у станции метро «Тульская». Туда-то Николай и собирался отправиться.

Поначалу Щукин хотел заехать к Ларисе домой и переодеться, сменив свой ковбойский наряд на что-нибудь более приличное, но затем решил, что делать этого не следует, посчитав, что удобнее будет предстать перед Томиным в образе эдакого рубахи-парня, чем гражданского бизнесмена, интересующегося коллекционерами икон. Николай решил не ловить такси, а добраться до Даниловского рынка на метро. Выйдя из метро, Николай выпил пятьдесят граммов водки в ближайшем кафе и уверенным шагом направился на поиски Мутного.

Даниловский рынок совершенно ничем не отличался от всех остальных торговых точек России. Те же ровные ряды продавцов, та же суeta нескончаемых потоков покупателей. Щукин неторопливо шел между рядов, выискивая совершенно определенный тип базарных завсегдатаев – пронырливых людей, неброско одетых и вполголоса предлагающих вам что-либо купить или продать.

Однако Николай прочесывал ряд за рядом, но не мог найти хоть одного из нужных ему людей. Щукин вышел на площадь к небольшому кафе и задумчиво посмотрел по сторонам. Он уже собрался было зайти в кафе, чтобы выпить чашку кофе и обдумать дальнейший план действий, но в это время дверь забегаловки распахнулась, и оттуда навстречу Щукину высыпала целая группа «кидал».

– Мужики, у вас что, обеденный перерыв, что ли, был? – удивленно поинтересовался Николай, вставая у них на пути.

– Отвали, чувак, – с мрачным видом ответил один из них. – Мы сегодня не работаем.

– Что так? Декларацию о доходах идете сдавать? – усмехнулся Щукин.

– Отвали, тебе сказали, – отмахнулся от него второй «кидала», увенчанный копной кучерявых волос. – Без твоей болтовни геморроя хватает.

– Да мне плевать на ваши проблемы. – Николай поймал парня за рукав. – Ты мне просто скажи, где Мутного найти можно?

– А ты кто ему? – настороженно спросил кучерявый. Остальные его приятели тут же остановились.

– Дядюшка из Америки, – скривился Щукин. – Тебе не все равно, кто я такой? Скажи просто, где Мутный.

– Может, ему лучше в лоб зарядить разочек, чтобы не борзел? – поинтересовался у друзей первый «кидала».

– Не надо, – покачал головой кучерявый. – Хрен его знает, что у них с Диманом за дела. – Он посмотрел на Щукина. – Иди в кафе, братан. Там тебе и объяснят, где теперь Мутного искать.

Круто развернувшись, парень пошел прочь от Николая, явно направляясь к выходу с рынка. Остальные последовали его примеру, а Щукин, пару секунд посмотрев им вслед, пожал плечами и вошел в кафе. Там было несколько человек. Они стояли, сгрудившись у прилавка, что-то заслоняя своими широкими плечами. Услышав звук открывающейся двери, один из мужчин обернулся.

– Тебе че, чувак? Закрыто кафе, – грозно сказал он. – Вали отсюда.

– Мне Мутный нужен, – спокойно проговорил Николай. – Где его найти можно?

На звук его голоса еще один из парней резко обернулся и застыл, скривив лицо в злобной ухмылке. Николай фыркнул и широко улыбнулся в ответ – прямо перед ним стоял тот самый парень, которого он вчера «накормил» бифштексами в кафе «Варяг»! Несколько секунд оба внимательно рассматривали друг друга, а затем ресторанный буян сделал шаг вперед.

– Братва, смотрите, что за козел тут нарисовался, – прорычал он. – Да еще и подручными Лимона интересуется. Сейчас мы с ним по-свойски потолкуем! – И громила выхватил из кармана пистолет, наставив его на Щукина. – Ну-ка, козел, иди сюда. Только медленно. Иначе в твоей пустой башке лишняя дырка появится.

– Да вы что, мужики? За вчерашнее, что ли, обиделись? – растерянно пролепетал Николай, делая осторожный шаг вперед. – Ну, извините, что так получилось...

– Заткнись, сука! Сюда иди, я сказал, – рявкнул громила, а его подручные стали обходить незваного гостя с боков.

Щукин сделал еще шаг вперед и остановился прямо перед столиком. На секунду Николай замер, словно раздумывая, с какой стороны обойти препятствие, а затем, не сводя взгляда с пистолета, одним неуловимым движением ноги подкинул вверх металлический стул, поймал его обеими руками и метнул вперед. Прямо в громилу. Тот дернулся в сторону, одновременно нажимая на курок. Выстрел разорвал тишину кафе, а Щукин покатился по полу в сторону от двери.

Ближайшего к нему гоблина Николай свалил на пол молниеносной подсечкой. Затем крутанулся на спине, ударом обеих ног переворачивая стол на ребро. Тут же, не останавливая движения, ударил двумя ногами в грудь еще одного бандита. Главарь гоблинов выстрелил еще раз, но пуля вновь не достигла цели. Разбив спиной стекло, Николай вывалился на улицу. Перемахнув через прилавки и сморщившись от сильной боли в спине, он помчался к выходу с базара, расталкивая руками толпу. Громилы метнулись следом.

Николай мчался по Даниловскому рынку не разбирая дороги. Он почти не оглядывался, буквально спиной ощущая за собой дыхание преследователей. Щукин понимал, что в этот раз ему «повезло» нарваться на отморожков на их территории, где бандиты, похоже, чувствовали себя как дома. Геройствовать в такой ситуации было абсолютно бессмысленно.

Бежать Николаю мешало не только большое скопление народа и его плохая ориентация среди закоулков Даниловского рынка, но еще и наличие «доброжелателей» у преследователей. Пару раз Щукина пытались схватить на бегу. От первого захвата он легко уклонился. Со вторым «доброжелателем» он чуть замешкался, поскольку тот попытался какой-то палкой ударить его по ногам.

Щукину пришлось прыгать вертикально вверх. Это получилось несколько неуклюже, и Николай, чтобы не потерять равновесия, вцепился в прилавок. Вторым ударом парень попы-

тался палкой разбить ему голову, но Щукин в последний момент увернулся и, поймав «доброжелателя» в захват, сломал ему кисть и ногой отшвырнул в сторону. Путь был свободен, но драгоценные секунды оказались потеряны.

Один из преследователей в длинном прыжке попытался настичь Щукина и свалить его на землю. Николай уклонился в сторону. Бандит врезался в металлический прилавок головой. Грохот был настолько оглушителен, что заставил бежавшего следом громилу притормозить. Щукин воспользовался этим секундным замешательством погони и нырнул в боковой проход... чтобы нос к носу столкнуться с вожаком бандитов.

Тот попытался ударить Николая рукояткой пистолета. Щукину вновь удалось уклониться. В ответ он ударил бандита в кадык. Жестко и безжалостно. Удар получился не так хорош, как хотел Николай, но гоблин захрипел и рухнул вниз. Щукин перескочил через него и помчался к спасительному выходу с базара.

Щукин рассчитывал, что, вырвавшись с территории рынка, он окажется в безопасности, но преследователи не отставали ни на шаг. При других обстоятельствах Николай мог бы бежать довольно долго, его физического состояния хватило бы на то, чтобы выдержать любой марафонский забег. Но сейчас у его погони было два преимущества. Во-первых, им не приходилось расчищать перед собой дорогу в толпе. А во-вторых, боль в спине Николая усиливалась, мешая дышать.

Выход нашелся сам собой. Прямо на пути Щукина остановилась белая «девятка», и водитель, не глуша мотор, принялся высаживать пассажиров – женщину и девушку, – помогая им доставать объемные сумки из багажника. Николай увеличил скорость, пытаясь успеть добраться к машине до того, как водитель вновь сядет за руль. Мужчина распахнул дверцу и начал садиться в салон, но тут рядом с ним словно из-под земли вырос Щукин.

– Извини, командир, – резко выдохнув, пробормотал Николай и, схватив водителя за шиворот, швырнул его на асфальт. – Я у тебя одолжу машину на полчаса!..

Владелец «девятки» еще не успел прийти в себя от удивления, смешанного с возмущением, а Щукин уже, скрипя шинами, вырулил на проезжую часть, едва не протаранив «мерседесовский» микроавтобус. Выправив машину, Николай помчался в сторону Ханской улицы, злорадно глядя в зеркало заднего обзора на заматававшихся по тротуару гоблинов. Те размахивали руками и истошно вопили, но поделаться ничего не могли. И в этот раз Щукин ушел!

Николай минут двадцать «покатался» на угнанной «девятке» по улицам Москвы, а затем притормозил у одного из участков милиции. Спокойно выбравшись из машины, Щукин захлопнул дверцу и направился прочь. Теперь беспокоиться было не о чем. Выручившая его машина под присмотром, от погони он оторвался, а в Москве его почти никто не знает. Значит, найти не сможет. Вот только это не означает, что сам Щукин не попытается найти отмороzków и ответить им «любезностью» на такой «ласковый» прием. Но пока следовало привести себя в порядок.

День был полностью провален, и Николаю не оставалось ничего другого, как добраться до квартиры Шевцовой на попутной машине. Что он и сделал. Приехав, тут же принялся обрабатывать ушибы и ссадины. Разобравшись со своими болячками, Щукин вздохнул, укоризненно посмотрел на себя в зеркало, а затем пошел переодеваться. Приближался вечер. На это время суток у него были особые планы...

* * *

Всю вторую половину дня Аксененко дежурил у особняка Дыбина, не без основания, как ему казалось, полагая, что именно этот вор в законе станет следующей жертвой недавно возникшего альянса между Роговским и Дурновым.

То, что Дыбин находится у себя дома, Аксененко узнал в обед. Сделать это было проще простого. Дмитрий заглянул в офис Дыбина и поинтересовался у секретарши, где «чисто конкретно можно найти Санька». Девушка, решив по поведению Аксененко, что тот является другом ее босса, спокойно доложила, где находится Александр Михайлович и как он планирует провести сегодня день.

– Ну ладно, тогда я к нему на Кузьминскую загляну, – небрежно пожал плечами Дмитрий и, не прощаясь с секретаршей, вышел из офиса на свежий воздух.

Конечно, добывая информацию о Дыбине таким способом, Аксененко рисковал засветиться. Однако его не слишком беспокоила эта проблема. Во-первых, даже если секретарша Дыбина запомнит его внешность и доложит о его визите своему боссу, тот, скорее всего, лишь недоуменно пожмет плечами.

Во-вторых, Дыбин весь остаток дня планировал находиться дома, куда просил секретаршу переводить срочные звонки. Маловероятно, что Аксененко окажется единственным за день посетителем Дыбина. Поэтому секретарша вообще едва ли завтра вспомнит о нем. К тому же Аксененко сказал ей, что собирается лично заглянуть к авторитету домой.

Ну и, в-третьих, даже если Дыбин и заинтересуется его персоной, то установить его личность попросту не успеет. Аксененко считал, что вряд ли бандит доживет до завтрашнего утра. В общем, Николай чувствовал себя вполне спокойно.

Почти целый день во дворе дома Дыбина почти ничего не происходило. Так, всякие мелочи. Например, Аксененко сделал несколько снимков того, как один из охранников бандита занимался в беседке любовью с какой-то девицей в белом кружевном переднике. То ли с кухаркой, то ли с уборщицей из особняка Дыбина. Во дворе царили тишина и спокойствие. И, судя по всему, внутри особняка тоже. Поначалу Аксененко считал, что эта тишина – лишь затишье перед бурей, и потирал руки, ожидая развития событий. Но с приближением сумерек Дмитрий заволновался. Что-то Роговский слишком медлил!

Когда около семи часов к воротам особняка Дыбина подкатил черный «Мерседес» с тонированными стеклами, Аксененко оживился. Но, когда у дверей из машины вылез Роговский, Дмитрий несказанно удивился. Неужели сам Бык приехал на ликвидацию своего бывшего партнера? Аксененко не мог поверить такой удаче и неистово щелкал фотокамерой, делая один снимок за другим.

Однако время шло, но ничего не происходило. Роговский почти два часа находился внутри особняка Дыбина и, судя по всему, не торопился его покидать. Аксененко недоумевал и нервничал.

Около девяти часов произошло еще одно событие, заставившее Аксененко воспрянуть духом. К воротам особняка подъехали три машины – два джипа и серебристая «БМВ». Дмитрий старательно сфотографировал их, пытаясь нацелить камеру так, чтобы на снимках были отчетливо видны номера машин. А затем переключил свое внимание на людей, вылезших из иномарок.

Двоих Аксененко знал. Это были бригадиры преступных авторитетов – Лысый и Купон. Остальные Дмитрию были неизвестны. Но он понял, что это простые «шестерки» из бандитской братвы. Купон торопливо прошел внутрь особняка, оставив Лысого дожидаться на улице. Он пробыл там несколько минут. Когда вышел, что-то коротко приказал братве, и бандиты принялись выгружать из машин какие-то свертки и чемоданы.

Аксененко фотографировал происходящее, не веря своим глазам. Судя по всему, его предположение о предательстве Роговским своего союзника Дыбина изначально оказалось неверным! Авторитеты и не собирались воевать друг с другом. Они просто решили разделаться с Лимоном. А те переговоры, которые вел с Дурновым Бык, были не чем иным, как перетягиванием ментовского «важняка» на свою сторону. Дыбин и Роговский попросту купили его.

Это означало, что план Аксененко по шантажу Дурнова летел в тартарары. Войны никакой не будет. Убийство Лимона было первой и последней акцией. Его подчиненные вряд ли решат отомстить за своего босса и ввязаться в разборки с двумя влиятельными преступными группировками. К тому же поддерживаемыми ментами. От расстройства Аксененко тихо выругался и собирался признать свое поражение, но в этот момент из джипа Купон вытащил совсем молоденькую девчонку. Дмитрий оторопел.

У девушки были завязаны глаза, а рот тщательно заклеен скотчем. Аксененко никогда раньше не видел ее, но догадаться, кто она такая, труда не составило. Видимо, убив Лимона, люди Дыбина и Роговского симитировали ограбление. Свертки и чемоданы, которые они внесли в дом Дыбы, явно были имуществом покойного. И получалось, что та девчонка, которую они привезли с собой, была дочерью покойного Лимона. По какой-то причине она оказалась дома и была свидетелем убийства. Вот только почему бандиты не прикончили и ее?

В Аксененко вновь проснулся охотничий азарт. Он, не переставая, щелкал фотокамерой до тех пор, пока девушку не завели внутрь особняка. Напрягая извилины, Дмитрий пытался понять, зачем девчонка понадобилась бандитам. Судя по тому, что Аксененко знал о Роговском и Дыбине, сентиментальностью они не страдали. Убрать ненужного свидетеля, пусть даже малолетку, труда для них не составляло. И все же девчонку они не убили, а привезли в особняк.

Аксененко теперь не спешил покидать свой наблюдательный пост. Он решил терпеливо ждать развития событий. Пусть даже на это уйдет вся ночь и утро следующего дня. Дмитрий предварительно запасся кое-какими продуктами и минеральной водой и предусмотрительно прихватил с собой специальный фотоаппарат для ночных съемок.

Часов в одиннадцать к особняку Дыбина подъехала еще одна машина – малиновая «десятка». И, хотя она и не стала заезжать во двор, Аксененко все равно сфотографировал ее. Из «десятки» вышел стройный голубоглазый блондин, одетый с иголочки. Блондин был незнаком Дмитрию. Он явно не походил ни на одного из братков, но и определенно не был приближенным одного из воровских авторитетов.

Судя по внешнему виду, парень был не из этой среды, но его легко пропустили внутрь двора, а Дыбин, выйдя на крыльцо, встретил гостя, заключив его в объятия. Аксененко, сделав несколько снимков неизвестного, решил завтра попытаться узнать, кто он такой и что делал в доме Дыбина в тот момент, когда там явно происходил дележ награбленного.

* * *

До визита к Дыбину Щукин решил встретить после работы Ларису и отвести в какой-нибудь престижный ресторан. Кроме того, Николай собирался сделать Ларисе какой-нибудь запоминающийся подарок.

В поисках подарка Щукин случайно забрел в один небольшой ювелирный магазинчик, расположенный неподалеку от станции метро «Кропоткинская». Именно там он и увидел небольшой платиновый кулончик в форме Амура на тонкой цепочке из того же материала.

Много лет назад он подарил точно такой же своей первой и единственной возлюбленной – Алле Скворцовой. Той самой девушке, которая буквально заставила Николая преодолеть свою робость и познать все прелести любви. Для того чтобы приобрести его, Щукину, тогда студенту экономического института, куда он поступил после службы в армии, пришлось пару месяцев недоедать и работать ночами на разгрузке вагонов.

Тот день, когда Николай наконец-то смог купить кулон, стал для него одновременно и самым счастливым, и самым трагичным в жизни. Ведь именно тогда Щукин узнал правду об отношениях в семье Аллы, о ее больной матери и садисте-отце, бывшем крупным партийном функционере, переквалифицировавшемся в бизнесмена. Скворцов постоянно издевался над

женой и дочерью, но Алла была вынуждена с этим мириться, поскольку иначе у нее просто не хватило бы средств для лечения больной матери.

В тот день Николай решил пойти на первое в своей жизни ограбление. Алла помогла ему, и, сумев спасти свою любимую от унижений, Щукин был на седьмом небе от счастья. Правда, недолго. Через два дня его неожиданно арестовали, и Николай узнал, что «сдала» его именно Алла. Она же дала против него показания, будто бы Щукин заставил ее ограбить собственного отца, а деньги забрал себе.

Оказалось, что все это было заранее спланировано и подстроено. Алла, естественно, и не собиралась ждать «милого» из армии. На его письма отвечала только потому, что ей нравилось принимать знаки поклонения от несмышленного парнишки и показывать откровенные письма подругам. Затем, после демобилизации, Алла встречалась с Щукиным просто для того, чтобы занять свободное время. А потом оказалось, что на папину фирму нацелились налоговики и нужно было инсценировать ограбление. Вот тут-то несмышленный юнец Коля и пригодился. Но все это он узнал позже. А тогда получил пять лет общего режима.

Глядя на кулончик, Щукин вспомнил эту историю и зачем-то купил безделушку. Вечером Николай подарил кулон Ларисе, сводил ее в ресторан и напел с три короба, аргументируя необходимость расстаться с ней. Шевцова, конечно, расстроилась, но не стала удерживать любимого.

Визит к Дыбину входил в план поездки Щукина в Москву. Этот вор в законе имел достаточно большое влияние в преступном мире столицы и мог помочь Щукину решить многие проблемы. Впрочем, воспользоваться его помощью Николай планировал лишь в крайнем случае. Он не хотел быть обязанным воровскому авторитету, да и раскрывать ему цель своего приезда в Москву тоже не собирался. Сегодняшний визит Николая к Дыбину был лишь данью вежливости.

Когда Щукин, насвистывая, подходил к особняку Дыбина, хозяин вышел на крыльцо и, встретив Щукина, заключил его в объятия.

– Ну, проходи, Молот, – широко улыбнулся Дыбин, дыхнув в лицо Николаю перегаром и чесноком. – Каким ветром в столице?

– Дела, – ответил Щукин и поморщился. – Дыба, а тебе никогда не казалось, что иногда лучше жевать, чем говорить? – поинтересовался Николай у авторитета, воспользовавшись избитой рекламной фразой. Дыбин несколько секунд непонимающе смотрел на него, а затем обиделся.

– Поостри мне еще, умник, – буркнул он. – Язык бы тебе отрезать. Вот только мне, в натуре, некогда.

– Да ладно, не обижайся. Я пошутил, – переборов отвращение, Щукин лучезарно улыбнулся и полуобнял Дыбина за плечи. – Может, в дом пригласишь? Или мы на крыльце так и будем стоять?..

К удивлению Щукина, ожидавшего после безвкусного серо-синего костюма Дыбина такой же нелепицы в его доме, двухэтажный особняк оказался верхом элегантности. Комнаты соответствовали последней европейской моде: обои выдержаны в пастельных тонах, мебель светлая, на стенах небольшие пасторальные картины, а навесной потолок мягко рассеивал свет по всей комнате, не давая возможности точно определить, где именно находятся источники освещения.

В большой гостиной, куда Дыбин провел Николая, в креслах рядом с низким столиком располагались три человека. Одного из них – Купона, правую руку хозяина дома, – Щукин видел пару раз, а вот с седовласым холеным мужчиной встречаться ему не доводилось. Бритоголовый же парень, сидевший рядом с ним, Щукину уже был знаком. Это именно его Николай вчера ткнул мордой в тарелку с отбивными в ресторане «Варяг», несколько часов назад едва не убил на Даниловском рынке!

– А, мудака, вот мы и встретились, – прошипел бритоголовый, поднимаясь из-за стола. – Выходит, земля-то, в натуре, круглая.

Оторопевшие от этого заявления Роговский и Дыбин удивленно уставились на Лысого. А Лысый бросился на Щукина.

Николай даже не пошевелился. Он позволил бандиту приблизиться к себе и даже дал ему возможность нанести удар. Однако кулак Лысого просвистел мимо цели. В самый последний момент Щукин легко увернулся от удара. Лысый буквально провалился в пустоту, а спустя мгновение уже лежал на полу, ударившись виском о колено Щукина.

– Да, печально, – горестно вздохнул Щукин. – Мальчик так ничего и не понял!

Дыбин громко расхохотался. Лысый, подстегнутый этим смехом, подскочил с мягкого ковра, вновь разворачиваясь лицом к Щукину. Николай ждал его, с насмешливой улыбкой глядя бандиту в лицо. Он не собирался увечить Лысого, но решил, что если гоблин бросится на него еще раз, то придется отправить его в нокаут. Однако Лысый предпринять новую попытку атаки не успел. Возглас Роговского остановил его.

– А ну сядь на место, идиот! – рывкнул он, и Лысому пришлось подчиниться приказу.

– Где это вы уже успели поцапаться? – отсмеявшись, поинтересовался у Щукина Дыбин.

Николаю пришлось вкратце рассказать об инциденте, возникшем в ресторане «Варяг». Лысый пару раз попытался перебить его, но Роговский цыкнул на своего бригадира. Затем Николай упомянул про заварушку на Даниловском рынке и о своем желании найти уродов, устроивших за ним погоню. А когда он закончил говорить, Дыбин вновь расхохотался.

– Не пора ли тебе, Стас, бригадира поменять? – поинтересовался он, обращаясь к Роговскому. – Похоже, Лысый у тебя совсем зажрался и нюх потерял. Пусть еще скажет спасибо, что так легко отделался. Если бы Колян разошелся, пришлось бы тебе Лысого по запчастям собирать.

Роговского передернуло от этих слов. Ему было обидно за беспомощность своего бригадира. Коробило Быка и от обидных слов Дыбина. Роговский уже собрался было вышвырнуть Лысого вон из дома, чтобы разобраться с ним потом, без свидетелей. Однако Щукин опередил его. Тщательно скрывая брезгливость, он подошел к Лысому и протянул ему руку.

– Не расстраивайся. Ты нормальный мужик, а поражения терпеть каждому приходилось, – сказал он. – В следующий раз просто будь повнимательней. Давай забудем всю эту фигню. Согласись, по понятиям я тебя справедливо развел.

– Ладно. Проехали, в натуре, – буркнул в ответ Лысый. – Будем друзьями, кореш?

– Без базаров! – радушно согласился Щукин, но для себя отметил недобрый огонек в глазах Лысого. Николай понимал, что этот человек не скоро забудет свое унижение.

Увидев, что инцидент исчерпан, Дыбин поспешил перезнакомить присутствующих. Упомянув, впрочем, только имена. Широко улыбаясь, Щукин пожал вялую руку Роговского и железной хваткой ответил на рукопожатие Лысого. Потом мягко опустился в одно из свободных кресел, с любопытством рассматривая гостей Дыбина.

– Ну, Колян, за ум еще не взялся? – развязно поинтересовался хозяин дома, кивком приказав девушке, прислуживающей за столом, выйти из комнаты. Роговский после этой фразы с любопытством посмотрел на Дыбина, словно требуя пояснений. Тот широко ухмыльнулся и отхлебнул красного вина из высокого фужера.

– Коля у нас теперь солидный человек. Бизнесмен, етишкин корень! – осклабился Дыбин, кивая головой в сторону Щукина. – На зоне вместе срок мотали. Его менты за попытку ограбления повязали. Прямо на месте, с поличным. Он на зоне в доску свой кореш был. Я думал: откинемся – вместе работать станем. А он ни в какую! Уперся, как баран, в натуре. Говорит, не хочу вором быть, дескать, желаю быть чистеньким перед законом. И как, получается? – Последний вопрос предназначался уже Николаю.

– А ты про меня побольше на каждом углу трепись, – криво усмехнулся Шукин. – Глядишь, мне такую славу создашь, что со мной все партнеры работать откажутся.

– Да ладно бычиться, – рассмеялся Дыбин и хлопнул Николая по плечу своей сальной и потной ладошкой. – Тут все свои. Дальше этого дома все равно ничего не разнесут!

Шукин усмехнулся в ответ. Он прекрасно понимал, что хозяин дома никогда слов на ветер не бросает. Если уж Дыбин что-либо обещал, он исполнял непременно. Впрочем, Шукин не слишком боялся того, что его «ославят». Конечно, он не кричал на каждом углу о своем преступном прошлом, но и не пытался скрыть его. А в определенных кругах умело козырял теми навыками и связями, которые приобрел на зоне.

Роговский с новым интересом посмотрел на Щукина. Не верить словам Дыбы у него не было основания. Если этот ожиревший боров говорил, что Николай полностью завязал с преступным прошлым, значит, так оно и было. А Роговскому не так часто удавалось видеть людей, вышедших из зоны и добившихся чего-то в жизни, не пользуясь при этом связями с преступным миром. Роговский решил повнимательней присмотреться к Щукину.

Николай тоже присматривался к гостям Дыбина. Лысый его практически не интересовал. А вот Роговский пока был для него загадкой. Надменный и чопорный, как английский лорд, Бык меньше всего походил на вора в законе и главу очень сильной преступной группировки.

– Ну что, продолжим? – поинтересовался тем временем Дыбин, обращаясь к Роговскому. – Только больше не говори мне, что хочешь прямо у меня под носом заграбастать район Люблинского пруда!

Бык недовольно поморщился и стрельнул глазами в сторону Щукина. Хозяин дома рассмеялся.

– Чего ты боишься? – поинтересовался он. – Я же тебе сказал, что Колян – парень свой в доску. При нем можно смело решать все дела, не откладывая в долгий ящик. К тому же котелок у него варит отменно. Глядишь, выступит между нами судьей.

– Ну, если ты за него ручаешься... – начал было говорить Роговский, но Дыбин его перебил:

– Как за себя самого, – фыркнул он. – Парень он крепкий и башковитый. А ты, в натуре, переставай корчить из себя целку, давай займемся делами. К завтрашнему утру нужно все решить. Иначе такой бардак начнется, что потом дерьмо разгрести задолбаемся!..

Роговский буркнул себе под нос что-то непонятное. Николай поднялся из-за стола.

– Собственно говоря, Саша, я не собирался у тебя долго засиживаться, – проговорил он, обращаясь к Дыбину. – Конечно, приятно было бы с тобой поболтать, но не желаю мешать вашему совещанию. Я только хотел попросить у тебя какую-нибудь тачку на пару дней. Мотаться на такси, сам понимаешь, неудобно, да и накладно.

– Да сядь ты! – раздраженно махнул на него рукой Дыбин. – Я же тебе говорю, будешь у нас, так сказать, третьей стороной. Ты мужик с понятиями, личной заинтересованности не имеешь. Вот и поможешь нам со Стасом разрешить кое-какие проблемы.

После этих слов Роговский слегка поморщился. Впрочем, кроме Щукина, этого не заметил никто. А Николая уже начала раздражать брезгливость Быка. Может быть, Шукин на самом деле не стал бы ввязываться в разборки Дыбина с Роговским, но, увидев кислую физиономию Быка, решил остаться.

– Ладно, – сказал он, опускаясь обратно в кресло. – Только сначала просветите меня, что тут у вас происходит.

Совершенно не обращая внимания на реакцию Роговского, Дыбин коротко рассказал Щукину о проблемах, которые недавно создал им Лимон. Говорить о том, каким способом их удалось решить, хозяин квартиры не стал. Да Щукину и так было все понятно. А требовалось от него помочь поделить между двумя союзниками территорию Лимона и его имущество. Шукин неопределенно пожал плечами, кивнул и начал задавать наводящие вопросы.

Волей-неволей Роговскому пришлось вступить в разговор. А затем, сам того не заметив, он стал принимать самое активное участие в спорах.

Направив разговор в нужное русло, Щукин в дальнейшем предпочел в основном молчать, вступая в диалог только тогда, когда к нему обращались с вопросом. И вскоре почувствовал, как внутреннее напряжение, возникшее в комнате с его появлением, начинало спадать. Дыбин с Роговским вели себя раскованно. Бык уже абсолютно не стеснялся присутствия Николая. Наоборот, с довольной ухмылкой успел похлопать Щукина по плечу, когда тот решил один из вопросов не в пользу Дыбина.

– Эх и сучок ты, Коля! – недовольно пробормотал после этого толстяк. – Мог мне и подыграть. Все-таки в гости ты не к Быку, а ко мне приехал.

– Извини, – усмехнулся в ответ Николай. – Сам же говорил, что я мужик с понятиями. А ты как хотел? Кстати, с территорией этого Лимона все ясно. А вот как вы его имущество делить собираетесь?

– Да это ерунда, – отмахнулся от него Роговский, успевший за последний час сменить по отношению к Щукину гнев на милость. – Наши ребята сейф Лимона с бабками из стены вынули. Сейчас над ним медвежатник колдует. Картины поснимали, золотишко притарили. А на фирму Лимона и его недвижимость нам дочка доверенность оформит.

– Это с какого перепугу? – не понял Николай.

– Девчонка видела, как ее папаню замочили, – начал было говорить Дыбин, но Щукин замахал на него руками.

– Стоп! Базары фильтруй, – резко проговорил он. – Я хоть и общаюсь с вами по понятиям, но не забывай, что я – в завязке. И развязываться не желаю. Поэтому не делай из меня соучастника. Понял?

– Ладно-ладно. Не кипишись, – усмехнулся Дыбин. – В общем, девчонка у нас. Мы ее немного обработаем, а затем оформим над ней опеку. Родных-то у нее никого нет, а соплячка еще совершеннолетия не достигла. В общем, один из нас возьмет большую часть наличности Лимона, а второму достанется «метелка» и вся недвижимость этого урода. Теперь только остается решить, кому что!

– А тут и решать нечего! – Роговский повысил голос. – Я с этой малолеткой связываться не собираюсь. Мне своих проблем хватает, а я чувую, что с этой девчонкой мы неприятностей не оберемся.

– Что-то у тебя, Бык, очко стало часто играть. – Дыбин побарабанил пальцами по столу. – Не будет с девкой проблем. Я же говорю: родных у нее нет. Мать сдохла от рака три года назад, бабка с дедом – и того раньше, а сам Лимон вообще детдомовский. Впрочем, уговаривать я тебя не собираюсь. Меня, в принципе, твое предложение устраивает. – Он кивнул Купону. – Притащи сюда «метелку».

Бригадир Дыбина мгновенно сорвался с кресла и исчез за одной из боковых дверей. Вскоре бандит вошел в комнату, толкая перед собой совсем юное создание. Щукин удивленно уставился на девушку. На вид ей было лет пятнадцать-шестнадцать.

У дочери покойного Лимона были пронзительные зеленые глаза, сейчас чуть помутневшие от слез, выющиеся каштановые волосы, достающие почти до пояса, и прелестный аленький ротик. Да и фигурка у девчонки была неплохой. В общем, такие создания мужчины часто называют куколками. И Щукин невольно покачал головой, представив, какая красавица могла бы вырасти из нее года через три-четыре.

Впрочем, скорее всего, когда девчонка сыграет свою роль, она окажется в одном из подпольных публичных домов Москвы. Если ей повезет, то на пару лет еще сохранит свою привлекательность. А затем либо сопьется, либо сядет на иглу. А жаль! Но Щукин тут же одернул себя. В конце концов, какое ему дело до какой-то девчонки, имевшей несчастье быть дочерью бандита?! У него и своих проблем предостаточно.

А дочка Лимона будто почувствовала сочувствие к себе, промелькнувшее в глазах Шукина. Она обвела глазами всех присутствующих, а затем задержала взгляд на Николае, словно моля его помочь ей.

– Ну как, хороша? – Дыбин, казалось, не заметил того, как девчонка посмотрела на Шукина. – Кто от такой цыпочки откажется? К тому же девочка чистая и непорочная. Прямо Дева Мария во плоти. – Толстяк довольно хохотнул. – Поживет у меня, пока не обломается, а там посмотрим, как с ней поступить!

Николай слегка улыбнулся краешками губ, но вслух ничего не сказал. Хотя он и прекрасно представлял себе, какая судьба в будущем уготована этой девчонке, но почему-то пришел в бешенство от того, с каким цинизмом Дыбин говорил об этом. Вся ситуация вдруг стала напоминать Шукину отвратительную сцену работорговли из фильма о средневековье. Чтобы скрыть свои чувства, Шукин притворно закашлялся и потянулся за бокалом с вином.

– Ладно, Купон, уведи ее отсюда, – скомандовал тем временем Дыбин и повернулся к Роговскому. – Только не думай, что после парочки комплиментов этой соплячке я позволю тебе увеличить долю.

– А это уж как сказать, – осклабился Бык. – Ты ведь все же как-никак долговременное вложение капитала делаешь!..

Они поспорили еще примерно полчаса. К тому времени «медвежатник» наконец справился с сейфом Лимона, вскрыв замок. Внутри оказалось без малого двести тысяч долларов. Дыбов с Роговским почти одновременно присвистнули, услышав о такой сумме.

Дележ награбленного продолжился с новой силой, но Шукин почти не прислушивался к тому, что говорят два преступных авторитета. Ему вдруг стало противно их общество, и он еле сдерживался от того, чтобы не послать обоих куда-нибудь подальше. Сохраняя на лице маску любезной заинтересованности, Николай едва досидел до того времени, когда Роговский с Дыбиным наконец окончательно решили все свои проблемы, а затем поднялся, отклонив предложение хозяина устроить пирушку по поводу удачно заверщенного дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.